

МАГИЯ  **ФЭНТЕЗИ**





Марина АЛЕКСАНДРОВА

СМЕРТЬ НЕСУЩАЯ

Роман

Москва, 2015
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»



УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
А46

Серия основана в 2004 году
Выпуск 561

Художник
С. А. Григорьев

Александрова М.

А46 Смерть Несущая: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 504 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1936-4

Иногда ты думаешь, что точно знаешь, кто ты, откуда, кто твои родители и семья. Не ждешь от жизни ничего особенного, потому как что может быть особенного в жизни младшей дочери деревенского кузнеца... Особенно если эта дочь болезненный и слабый ребенок. Ты точно знаешь: в недалеком будущем, чтобы отдать тебя замуж, родителям придется очень постараться, а дальше — дети, быт, старость... Но бывает так, что то, в чем ты была уверена, меняется с точностью до наоборот. Так случилось со мной, и я готова рассказать свою историю. Прежде всего историю человека, который оказался последним потомком древнего рода демонов. Историю демона, которому предстоит пройти через многое, чтобы обрести силу и не потерять жизнь. И наконец, историю женщины, которой разобьют сердце и которой еще только предстоит побороться за свою любовь.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1936-4

© Марина Александрова, 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ПРОЛОГ

Длинные изящные пальцы судорожно вцепились в простыню и вновь резко разжались. Схватки прошли, но лишь чтобы дать женщине возможность немного вздохнуть. И вновь пронзительно тянущая боль затмила сознание. Роженица мучилась в агонии вот уже несколько часов, и некому было помочь ей, не к кому обратиться. Просто потому, что так надо. Необходимо справиться самой, никто не должен знать о том, что произойдет этой ночью. Только она и ее страж. Мертвенно-бледный, он стоял возле стены, будто статуя из белого мрамора, не в силах взглянуть на свою госпожу.

— Никто не должен помогать, никто! Слышишь? Никто не должен узнать! Клянись... — шептала она, когда все только началось.

И вот уже второй час он стоит, беспомощно взирая на нее. Смотрит, как кричит женщина, которую он поклялся оберегать. Как жизнь по маленькой серебристой капле вытекает из измученного тела. Невозможность что-либо изменить буквально сводила с ума. Он стоял, судорожно сжимая и разжимая кулаки, и взгляд его был стеклянным и пустым.

Вены на бледных ногах женщины казались черными змеями, тянущимися к бедрам. Время уходило, и отравы в крови его госпожи все больше распространялась по некогда сильному телу. Черное серебро, яд, который невозможно распознать ни в еде, ни в питье, даже на одежде. Достать его практически нереально, а противоядия не существует. Смертоносное зелье постепенно отвоевывает тело своей жертвы, продлевая агонию на долгие дни, если жертва обездвижена, или на считанные часы, если продолжает активно двигаться.

Ливерая, владычица Кайруса, хранительница Грани, очень торопилась попасть под защиту родных стен, так как срок ее родов неумолимо близился. Но дела в эльфийских землях не тер-

пели отлагательств. Обстановка на границе королевства эльфов и людей накалялась с каждым днем. Было необходимо срочное стороннее вмешательство. Именно тогда Арда'ар, повелитель эльфов и просто старый друг, призвал ее, заверив, что в состоянии обеспечить ей безопасность и все необходимые условия. А она... она не могла отказать Ару.

Белокурая демоница на сносях, последняя из рода Серебряных Демонов, отправилась в свое политическое путешествие инкогнито, взяв одного-единственного стража и не известив о своем решении совет. Непозволительная глупость и беспечность, обернувшаяся для нее необратимыми последствиями. Когда конфликт был улажен, Арда'ар предложил открыть портал для возвращения Ливераи. И Лива, не раздумывая, дала свое согласие. Но что-то пошло не так. Портал выкинул хранительницу и ее спутника где-то на окраине человеческих земель, схлопнувшись, словно его и не было вовсе. Любые попытки открыть новый не давали результата. Место, где они находились, оказалось изолированным от силовых потоков.

Именно тогда демоница впервые почувствовала первые признаки недомогания. Дримлеон, верный страж и соратник, нашел маленькую хижину в горах, куда и доставил свою госпожу. Обращаться за помощью к людям было еще более опасно, чем беременной демонице подниматься в горы. Лива понимала, что с каждым шагом по этой горе ее время и время ее нерожденного ребенка тает. Она понимала, что кто бы ни совершил это покушение, своего он добился в любом случае. Мысль о том, что это мог быть Арда'ар, причиняла боль, и Лива гнала от себя ее. Нельзя думать о том, что уже не имеет значения, сейчас она должна попытаться сделать так, чтобы обойтись минимальными потерями в сложившейся ситуации. Она обязана спасти свое дитя, будущего наследника.

Тонкий детский вопль пронзил окружающее пространство, разрезая мир надвое. На то, что было *до*, и то, что будет *после*.

Женщина облегченно выдохнула, но тут же взяла себя в руки, собрав волю в кулак. «Еще не все, еще немного — и я отдохну». Приободряя себя, она привстала на одном локте.

— Дримлеон, — прошептала демоница.

Фигура у стены вздрогнула, и лишь легкий неуловимый ветерок коснулся ее лица, а глаза уже увидели встревоженное лицо, склоненное над ней.

— Подай мне игнис, — дрожащим от боли и напряжения голосом попросила она.

— Но... — неверящими глазами посмотрел страж.

— Не спорь, Дримлеон, ты не хуже меня знаешь необходимость этого.

Хоть слабость и затмевала сознание, но владычица всегда должна вести себя как владычица, это Лива знала, как никто другой.

— Помоги мне сесть и взять ребенка, — уже более твердо проговорила она.

Страж помог своей госпоже подняться и с нескрываемым трепетом потянулся к маленькому, перепачканному слизью и кровью комочку.

— Стой! — будто опомнившись, вскрикнула женщина. — Первым прикосновением должно быть мое, я должна передать ей... — здесь Лива запнулась.

Неужели все-таки ее час пришел... Так скоро, так быстро... Казалось, что века, прожитые ею, — всего лишь минуты, столь скоротечные и уже, увы, недостижимые. Если бы все сложилось иначе, она смогла бы продолжать жить. Смогла бы воспитать свое дитя, а не проводить древний жестокий ритуал, держась за последнюю надежду, последнюю опору Кайруса. Но где-то глубоко внутри она испытывала ничем не прикрытую радость. Со всем скоро, там, за Гранью, она встретит его...

Эллиэн, истинный император, ее муж, ее сердце, что разбилось полгода назад. Если бы не долг перед страной, если бы не ее нерожденное дитя, она бы отправилась следом за ним в ту же секунду, как узнала о его гибели.

Жизнь — забавная штука. И сейчас, когда она видит плод их любви, ей так хочется остаться. Но пора уходить. Обреченный вздох вырвался из груди женщины. Ничего уже не изменить. Одно она знала теперь совершенно точно. Кто-то методично вырезает весь правящий Дом Кайруса, и сейчас уйдет и она. Самое главное теперь — помочь своему малышу тем, чем она еще в состоянии.

Дрожащими руками Ливерая потянулась к ребенку, маленькое горячее тельце которого было как будто создано для ее рук. Крик его неожиданно смолк, и еще совсем мутные серые глазки открылись. «Глаза твоего отца», — подумала женщина. Легкая улыбка озарила лицо владычицы словно восходящее солнце.

— Игнис. — Лива протянула руку, в которую страж тут же вложил серебряный серп. — Запомни, Дримлеон: когда придет время, ты сможешь ей, ты отыщешь ее и не оставишь, что бы ни случилось. А сейчас ты должен найти ей семью среди людей. Я не хочу, чтобы о ней стало известно кому бы то ни было! Для всех мое дитя умрет вместе со мной... И это будет истиной до тех

пор, пока сила в ней не пробудится и она не сможет постоять за себя. Ты поможешь ей тогда, а сейчас тебе придется исчезнуть. Придет время, и все встанет на свои места...

— Я клянусь тебе, владычица, — четко проговорил страж.

Женщина кивнула и еще раз улыбнулась.

— Спасибо тебе, мой друг. Я не забуду тебя даже там, где память уходит с последним вздохом. — Женщина перевела взгляд на девочку, и улыбка ее стала еще шире. — Я нарекаю тебя Смерть Несущей, Майэ'раами, наследницей трона Кайруса. Настанет тот день, когда Солнце с Луной засияют на одном небосводе, чтобы почтить тебя как истинную хранительницу Грани. Я обрезаю твою пуповину вместе с жизнью моей, дарую тебе силу всего рода и надежду, что придет с твоим правлением.

Серебряный серп охватило голубое сияние. Женщина перехватила игнис поудобнее и одним точным движением отсекла пуповину младенца. Лива тяжело вздохнула. Сил почти не было, но нужно было продолжать. Свободной рукой женщина провела в воздухе, будто пытаясь что-то нащупать, ощутить. Ее тонкие пальцы резко сомкнулись, и в них оказалась тончайшая голубая нить.

— Отдаю тебе, дочь моя, силу с обрезанной нитью, право и наследие рода. Прими мой дар. Да будет так.

Прежде чем страж сумел перехватить руку женщины, серп, занесенный ею, уже оборвал жизнь той, кто была всем не только для него, но и для целого государства.

— Прощай, моя владычица, моя госпожа, мой друг, — прошептал он.

Обрезанная нить в руке Ливы зашевелилась и, словно маленькая змейка, извиваясь, устремилась к тельцу ребенка, соединяясь с его серебряной нитью. Ритуал был завершен.

ГЛАВА 1

Жара стояла уже вторую неделю. Неслыханная роскошь для обычно дождливого края на севере Ирэми. Откуда-то появившиеся будто в одночасье бабочки без усталости порхали над совсем недавно распустившимися цветами.

Народ выбрался из своих избушек, чтобы хоть немного насладиться первыми и, наверное, последними теплыми деньками в этом году. Одни бесцельно околачивались около соседских участков, пытаясь завести пустой разговор о погоде и урожае или о том, кто с кем подрался на прошлой неделе. Другие же старались как можно вежливее отделаться от таких визитеров и заняться собственными делами по хозяйству, пока не закончилось маленькое короткое лето. Ребятишки целыми днями слонялись на улице или торчали у озера. Хоть вода и не успела хорошенько прогреться за столь короткий срок, но это мало кого останавливало от удовольствия разбежаться с берега и с радостными воплями плюхнуться в ледяную воду.

Северное лето было коротким и редко выдавалось таким жарким, как в этот раз. Поэтому если такое случалось, то считалось, что сама великая богиня сходилась с небес прямо во двор к местному старосте. Детям разрешалось не работать все это время, взрослые организовывали всеобщее гуляние каждый седьмой день недели. И всем до единого жителям следовало проводить это время так, как им нравится. Естественно, что большинству «нравилось» навести порядок в своих огородах и попытаться вырастить что-нибудь морозоустойчивое, то, чем потом можно было накормить семью или что можно выгодно продать в ближайшем городке. Деревня продолжала существовать лишь благодаря огромному озеру Ома: рыбу продавали или обменивали на овощи и злаки у соседей.

Пограничье было одним из красивейших мест Ирэми, с одной стороны обрамленное полукольцом снежных гор, а с другой отгороженное от остального мира серебряной гладью Ома. Ког-

да солнце садилось за горизонт, то, казалось, не видно, где кончается небо, а где начинаются воды великого хрустального озера севера.

Изба кузнеца находилась в самом центре деревеньки. Грубый сруб из толстых бревен, небольшой огородик перед домиком и покосившийся частокол. Единственное, что отличало это творение местного зодчества от прочих деревенских домов, так это внушительный размер.

Нима, разменявшая пятый десяток и давно располневшая, была главой проживающей здесь семьи. Она умудрялась держать в ежовых рукавицах даже собственного мужа — грозу местного населения, а по совместительству кузнеца, что уж говорить об остальных членах семьи. Нима была матерью шестерых детей, которые, по всей видимости, характером пошли в отца. Деревенские всякий раз замирали в ужасе, стоило только этой гвардии высунуть нос из дома. Пятеро сыновей и дочь. Все погодки, кроме двух младших, тринадцатилетних двойняшек: Кима — кареглазого мальчика с каштановыми волосами и смуглой кожей, и Мары — худенькой, словно тростинка, девочки, бледной, с бездонным омутом серо-голубых глаз. Волосы снежного цвета и алые губки, как у куколки... Мара не только была совершенной противоположностью брату, но и разительно отличалась от всех членов собственной семьи, не говоря уже о смуглых темноволосых жителях пограничной деревушки. Но насчет непохожести девочки приструненные Нимой ирэмийцы предпочитали не сплетничать. По крайней мере, в открытую.

Солнце стояло в зените, когда грузная Нима, скрипя половицами, вышла на крыльцо собственного дома и, словно набат, что есть мочи заголосила:

— Мара! Ким!

Ответа не последовало.

— Мара! Ким! Где вас леший носит? — уже себе под нос пробормотала женщина.

— Шо, опять убегли куды? — поинтересовался проходящий мимо поддатый мужичок.

— Угу, — невнятно вздохнула женщина. — С самого утра где-то бродят, — растерянно хмыкнула она.

— Так понято ж дело, лето, — сказал с видом мудреца мужик и проследовал дальше.

— Я им покажу лето... — прошипела Нима и вернулась обратно в избу.

— Ким, ну сколько еще, а?! — не выдержала я. — Может, мы вообще не в ту сторону идем?

Уже три часа мы плетемся в гору! Все ноги стерли, а никакой избушки и в помине нет! Да и зачем какому-то целителю из Межрасовой академии магии тут селиться? Если только он не сумасшедший какой, чтобы покинуть столицу ради нашего забытого богиней уголка. Но разве этому упрямцу что докажешь?! Услышал от соседского мальчишки, что какой-то выпускник академии к нам пожаловал или один из магистров, и теперь на самую вершину горы будет лезть, пока не убедится, что тут никого нет!

— В ту, — буркнул брат, недовольно глянув на меня, но тут же смягчился. — Мар, послушай, я точно знаю, что он где-то рядом. Потерпи еще немного, ради меня... Ну, Мара, — и тут он использовал свой самый жесткий прием. Посмотрел мне в глаза.

Что я могу сделать, если мой брат — это естественное продолжение меня, и наоборот?

— Хорошо, — тут же оттаяла я. «Ради меня», — это та фраза, которая решает все в наших отношениях. Не знаю, как у других людей, но у нас с братом именно так. Он — ради меня, а я — ради него. Так и живем вот уже тринадцать лет.

Как я уже сказала, мой брат услышал, что в наших краях поселился маг-целитель. Казалось бы, что в этом такого? Но только не для Кима...

С того самого момента, как научился говорить, он бредит идеей стать магом. Ну или хотя бы служить при академии, если вдруг у него не обнаружится дар. (Если спросите меня, то второе вероятнее всего.) И теперь мы ползем уже три часа в гору, не жалея себя. Конечно, я настояла на том, чтобы брат взял меня с собой. Не могу же я отпустить его одного неизвестно куда!

— Знаешь, если мы его найдем, то я обязательно попрошусь к нему в ученики, — продолжал мечтать братец, несмотря ни на что.

— Да? Интересно, что мама на это скажет? — не смогла удержаться я.

— Думаешь, не согласится? — неуверенно поинтересовался Ким.

— Ха, — многозначительно гаркнула я. — Конечно, согласится, огреет тебя сковородой или розгами, а потом обязательно согласится.

Разумеется, я ему этого не желала, но все же где-то в глубине души я не хотела, чтобы Ким становился учеником мага и тем более магом. Я боялась навсегда потерять его. Ведь если он однажды уедет, то я останусь одна, без него. Шесть лет он будет

учиться, потом время потеряет для него значение. А я вырасту, меня выдадут замуж, может быть, даже за хорошего парня, я стану хозяйкой дома, матерью... бабушкой, а мой брат, мой Ким навсегда исчезнет для меня. Это пугало больше всего на свете! И даже в свои тринадцать лет я это отлично понимала.

— Еще как согласится, вот увидишь, — самоуверенно заявил Ким.

Конечно, согласится, я это знала. Такая возможность! Обеспечить будущее младшему ребенку, которому, по местным законам, не полагалось никакого наследства.

— Согласится, Ким, — немного грустно подтвердила я.

В то же мгновение его ладони оказались на моих щеках. Он смотрел на меня как-то совершенно иначе, чем всегда. Не было той мальчишеской беззаботности во взгляде карих глаз. Словно он почувствовал ход моих мыслей.

— Что бы ни случилось, я не брошу тебя! — уверенно проговорил Ким.

— Я верю, — тут же исправившись, я произнесла то, что он должен был от меня услышать. — Я знаю.

Ким всматривался в мое лицо. Видимо, увидев то, что хотел, мечтательно улыбнулся.

— Понимаешь, Мара, я мечтаю, чтобы мы вместе отправились в академию, вместе стали магами...

— Ким, я точно знаю, что дара у меня нет, — грустно улыбнулась я.

На что мой брат-нахал лишь швырнул мне горсть репейника в волосы и бросился наутек.

Прошло еще около получаса, прежде чем наша незадачливая маленькая компания набрела на неказистого вида избушку-временку, выстроенную посреди полянки. Мы недоуменно уставились на домик. Тонкие деревянные стены, ветхая крыша, готовая вот-вот сорваться и устремиться в полет... Какой, простите, дурак согласился бы жить в северном краю в этом «сарайчике»?

Так вот, такой дурак все же нашелся. Стоило нам шагнуть на полянку, как дверь тихонько скрипнула и навстречу нам вышел седовласый мужчина с длинной бородой. Он был похож скорее на старосту нашей деревеньки, чем на мага из академии.

Осмотрев нас с ног до головы, мужчина заговорил:

— Чем-то могу помочь, молодые люди?

Голос его был тверд, несмотря на внушительный возраст.

— Мм, — промычал мой братец, явно ошарашенный увиденным.

«Ну что за болван!» — пронеслось у меня в голове.

— Мы ищем мага-целителя, — решительно провозгласила я. Почему я подумала, что это именно целитель, я не знаю. Наверное, сказывается привычка посещать знахарку не реже чем два раза в месяц и желание увидеть настоящего целителя.

Старик вздернул седую бровь и как-то странно посмотрел на меня.

Мужчина почувствовал приближение чужаков еще несколько минут назад, поэтому на кончиках его пальцев уже сгущались сплетенные заранее заклинания. Отчего-то он был уверен, что никто не станет искать мага из праздного любопытства. Каково же было его удивление, когда он понял, что чужаки — это двое детей. «Старею», — грустно подумал маг.

И все же, что эти двое забыли так далеко от деревни? Интересно... Орэн не спеша поднялся с облюбованного им кресла и направился в сторону двери. «Надо бы шугануть малявок, чтоб больше не беспокоили! А то еще нарвутся на какую-нибудь из ловушек».

Потянув за дверную ручку, Орэн невольно вздохнул, не желая выходить из своего убежища по столь глупому поводу. Как только дневной свет ударил в глаза, маг недовольно сощурился и уставился на стоявшую в нескольких метрах от него парочку.

Девочка и мальчик были абсолютно не похожи друг на друга. И если парнишка ничем не отличался от местных, то девчонка... Совершенно белесая, с длинными прямыми волосами и прозрачно-голубыми глазами, как у северных лаек. Она кого-то смутно напоминала Орэну, но, решив, что это — очередной приступ меланхолии и нахлынувшие воспоминания о былой молодости, маг просто отмахнулся от таких мыслей.

Поняв, что ни один из «гостей» не решается начать разговор, Орэн заговорил сам.

— Чем-то могу помочь, молодые люди? — как можно равнодушнее поинтересовался маг.

И услышал невразумительное мычание испуганного парнишки. А вот девчонка вся подобралась и заявила:

— Мы ищем мага-целителя.

«Прелесть какая! Вот тебе и пробрался никем не замеченным! Конспиратор старый!» Брови Орэна невольно поползли вверх, и он подозрительно уставился на девчонку.

— И кто вам сказал, что вы его здесь найдете?

Ребятишки смущенно переглянулись. Девочка одарила па-

ренька многозначительным взглядом, мол: «Я ж тебе говорила» — и снова повернулась к Орэну.

— Все знают, — выпалила беловолосая.

Мага невольно качнуло на предательски дрогнувших ногах.

«Откуда?! Чем же я себя выдал?! Ну народ, вот тебе и село! Думал, ума у здешних не хватит, а тут даже дети все уже знают!»

Орэн не столько удивился прозорливости местных, сколько заподозрил, что в деревеньке есть другие маги, способные почувствовать его присутствие, но тут же отмахнулся от этих мыслей, ведь в таком случае он и сам уловил бы некую магическую активность. Старый маг тут же смекнул, что девчушка просто пытается его поймать на слове. Маг резко выпрямился и произнес:

— Кто же эти «все»? Маленькая эсса может пояснить?

Девочка покраснела, явно смутившись то ли из-за почтительного тона, которым говорил Орэн, то ли из-за слова «эсса».

— У вас татуировка на шее, — еле бормоча, начала девчушка. — Дирк заметил, когда вы носки в озере стирали, а потом брату моему рассказал! А тот как услышал, что у вас там змейка с голубыми глазками нарисована, так сразу и догадался! — По всей видимости, девочка начинала волноваться все больше и больше, так как с невнятного шепота она уже срывалась на крик, и покраснела еще сильнее. — А Ким всю жизнь хотел настоящего мага увидеть! Дирк нам и сказал, что потом вы достирали, но на дорогу выходить снова не стали и куда-то в лес побрели. А куда тут еще идти?! Если только в гору и упрешься, а в горах даже летней ночью такой мороз, что ни один костер не согреет! Нам Карим рассказывал... — не успела договорить Мара, как старик ее перебил.

— Кто такой Карим? — монотонным голосом пробубнил маг.

— Да брат наш старший, — отмахнулась вконец разволновавшаяся девчушка. — Так вот, Карим говорил, что на горе времянка есть, тут пастухи да некоторые путники иногда останавливаются. Вот мы и решили посмотреть... То есть Ким решил, — отчего-то замялась девочка.

Брат благодарно ей кивнул и расплылся в безумной благоговейной улыбке.

— Возьмите меня в ученики, — словно одурманенный, пролепетал он.

По всей видимости, маг был потрясен, так как смотрел на парочку, уже даже не моргая и не дыша. «Видимо, думает», — решил Ким, не отваживаясь даже пискнуть, дабы не обернуть сей мыслительный процесс не в свою пользу.

«Вот старый дурак! — мысленно взвыл старый маг. — Закли-

наний на себя понавешал, силу скрывал, всю дорогу магию ни разу не применял! Одежду сам стирал, еду своими руками готовил! И вот тебе, пожалуйста, какой-то сопляк увидел, как я носки себе полощу! Срам! Да и какие ученики? Они что, не знают, что простолюдинам нельзя обучаться магии? Хотя... Пограничье, глушь, что с них взять».

Вот уже несколько минут этот, с позволения сказать, маг стоит и молчит. Лишь зыркает время от времени то на меня, то на Кима. Ну разве я виновата, что стоит мне испугаться, как начинаю нести сама не знаю что. А братец-то хорош, замер, словно неживой, и смотрит на старика преданными щенячьими глазами.

Зачем я только согласилась на этот поход? Зачем позволила Киму сюда притащиться? Надо было сразу маме все рассказать! Ведь неспроста же этот дедок в такую даль притопал! Не от хорошей же жизни и любви к природе? Где только была моя голова... Да ясное же дело где — хотела брату помочь мечту осуществить, мага настоящего увидеть!

Мое самобичевание прервал внезапно осипший мужской голос.

— Ладно, дети, давайте в дом зайдем и там поговорим, — сказал маг.

Ким уже было дернулся к входу во времянку, когда я резко схватила его за рукав.

— Куда намылился? — рявкнула я.

Глаза брата округлились, и он непонимающе на меня уставился.

— Ты что, Мара? Он нас приглашает, — с фанатичным блеском в глазах проговорил Ким.

— И что? Мы его даже не знаем! — с отчаянием пролепетала я. — Ни кто он, ни как его зовут! Может, он вовсе и не тот маг, которого Дирк видел... Или вообще не маг.

Старик как-то странно на нас посмотрел, потом перевел взгляд лучистых серых глаз на меня, коротко вздохнул, видимо что-то для себя решая, и заговорил.

— Меня зовут Орэн Канэри, и я действительно тот, кого видел этот ваш Дирк, — припечатал старичок.

Ким резко дернул плечом, высвобождаясь из моей хватки. Оправил рубаху и повернулся лицом к Орэну.

— Я Ким Аррели, а это моя сестра Мара. Фамилия нам дана в знак признательности, за заслуги нашего деда Элдая Аррели в Великой Северной войне. Мы — дети кузнеца из деревни на се-

верной границе королевства Ирэми. И... для нас честь познакомиться с вами, эсс Канэри, — все столь же благоговейно продолжал распинаться мой братец.

Нет, ну это невыносимо! Еще бы ключи от нашего амбара ему всучил и карту нарисовал, где мама деньги хранит.

— Всю ночь учил, болван? — не выдержала я.

Старик поперхнулся смешком, но ничего не сказал.

— Сама ты дура! — взорвался Ким и что есть мочи схватил прядь моих волос и резко дернул вниз.

Ох, что тут началось! Резкая боль пронзила голову, и я с воплями со всей силы наступила пяткой на правую ногу брата. Мы дружно повалились на землю и начали кататься, как две дикие кошки, царапая и лупя друг друга по самым уязвимым местам. Всякий раз, когда я кусала его за предплечья, Ким начинал тянуть меня за волосы еще сильнее, ощущение было, что кожа вот-вот оторвется вместе с волосами. Вот вам и братская любовь! Великая вещь!

Так бы мы, наверное, и убили друг друга на этой богиней забытой горе, а нашли бы нас лишь следующим летом или, и того хуже, вообще никогда бы не нашли, если бы нас не прервал совершенно восторженный залиvistый смех. Так смеются лишь маленькие дети, впервые видящие что-то забавное, которые не скупятся поделиться своей радостью с окружающим миром. Мы одновременно замерли. Ким лежал на мне, прижимая всем телом к земле, на кулак у него были намотаны мои волосы, но смотрел он совершенно в другую сторону. Проследив за его взглядом, я тоже замерла.

Орэн уже не стоял в проеме двери, а сидел, сотрясаясь всем телом от залиvistых раскатов смеха. На глаза у него наворачивались слезы, которые он как-то нелепо утирал рукавом своей серой мантии. Мы продолжали лежать, боясь даже пошевелиться. Какие же мы идиоты! Устроить такое на глазах у уважаемого человека, да к тому же мага! Ким виновато посмотрел на меня и одними губами прошептал: «Прости», — я кивнула и взглядом указала на свои волосы. Брат мгновенно их отпустил.

Еще с минуту похихикав и немного отдышавшись, покрасневший старичок поднялся на ноги и с трудом заговорил.

— Я согласен, — кивнул он Киму, — но только если и сестра твоя будет учиться. Так веселее, — хихикнул подлый старикан, поворачиваясь к двери. — Жду вас завтра в это же время. Скажете кому, что я тут поселился, — и можете смело переставать мечтать о прекрасном будущем, где вы живы и все части вашего тела на месте.

Дверь захлопнулась, а мы, казалось, буквально вросли друг в друга.

— Ну это ж надо, до чего противный старикан! — разорялась я по дороге к дому. К слову сказать, обратный путь занял у нас куда меньше времени, чем все это скалолазание. — Я согласен, но только если и сестра твоя будет учиться. Так веселее, — пердразнивая старика, не унималась я. — Да кто ему вообще сказал, что я хочу?! Ноги моей не будет в хижине этого полоумного!

Ким растерянно посмотрел в мою сторону и резко остановился.

— Ты чего встал? И так влетит от мамы, целый день дома не показывались! А ты еще и передохнуть решил! — уперев руки в боки, как часто делала мама, я постаралась произвести столь же грозное впечатление на братца.

— Ты ведь этого не сделаешь, Мара, — как-то потерянно пролепетал Ким.

— Чего я не сделаю? — не поняла я.

— Ты ведь не отнимешь у меня такой шанс, правда? — Темные брови брата жалобно приподнялись вверх.

— Я... я не хочу туда больше ходить, — уже не так решительно продолжила я.

Ким глубоко вздохнул, посмотрел на снежные вершины окружающих нашу деревню гор, но ничего не сказал. Это молчание было стократ хуже намечавшейся перепалки. Я видела, как потускнел его взгляд, как разочарование и обреченность зарождаются в его сердце. Как картина его будущего медленно, но верно вырисовывается у него в голове. Вот он подросток, через пару лет — молодой парень, потом — женатый мужчина с крошечным наделом на окраине деревни, через десяток лет у него уже пара ребятишек, а денег, чтобы прокормить детей, не хватает. А потом он — выжатый до капли немощный старик, живущий в лачуге на берегу северного озера Ома королевства Ирэми... Внезапно я поняла, что подобное будущее ждет и меня! Жалкое зрелище...

Что ж, ладно, но я себе не прощу, если хоть немножко не выгадаю с этого. Злорадно ухмыльнувшись своей находчивости, я вновь начала разговор:

— Хорошо, согласна. — Я даже не успела договорить, как братец схватил меня за руки и начал прыгать вокруг, пытаясь увлечь за собой.

— Но! — боясь упустить момент, рывкнула я.

— Но, — насторожился Ким. И не зря!

— Да, есть одно но! Точнее, я бы даже сказала, что не одно, — хитро сощурившись, продолжила я. — Ты берешь на себя поло-

вину моих дел по дому, да так, чтобы никто, естественно, об этом не догадался. — Я выразительно ткнула пальцем ему в грудь, радуясь будущим выгодам от нашего сотрудничества.

— Но, Мара, — взвыл брат, — это же бабьи дела!

— И что? — изумилась я. — Тебе же охота к этому старикану таскаться в гору каждый день, а не мне!

— Надо мной все смеяться будут!

— Не будут, если не увидят, — не выдержав, я все-таки расплылась в своей самой зловредной ухмылочке.

— Я тебя... я тебя... — так и не сумев придумать достойную месть и злобно пыхтя, Ким прошагал мимо, буркнул, что согласен, и поспешил в сторону деревни.

Я же, окрыленная столь выгодным сотрудничеством, поскакала следом.

Было около шести вечера, когда двое ребятшек показались на окраине деревни. Солнце уже позолотило ровную гладь озера, раскаленная за день земля отдавала тепло вечернему воздуху, наполняя его ароматами травы и теплого дерева.

Мара и Ким как ни в чем не бывало вприпрыжку шли домой. Усталость как рукой сняло, стоило понять, что настало время ужина. Аромат свежего хлеба, жареной рыбы и картошки буквально впитался в разогретый солнцем воздух.

Уже почти у самого дома двойняшек окликнул их закадычный приятель Дирк.

— Мара, Ким! — надрывно кричал парнишка, пытаясь их догнать. — По... по... подождите меня! — задыхаясь, верещал он.

— Наверное, от самого своего дома за нами бежит, — предположил Ким. Мара согласно кивнула.

Дирк жил на самой окраине деревни, там, где обычно селились младшие отпрыски семьи, не имевшие права на наследство, или просто бедные крестьяне. К отцу Дирка можно было отнести как первое, так и второе. Младший, да еще и бедняк даже по меркам деревни. Наверное, поэтому Дирк был единственным ребенком в семье. На севере Ирэми за естественным приростом населения следили очень строго, во многом благодаря королевскому налогу на каждого ребенка. Государство не желало плодить нищету, и количество детей в семье зависело от благосостояния родителей. А вопросы с нежелательной беременностью решала знахарка Рэйна, древняя старуха, знавшая не только как лечить, но и как убивать...

Через несколько минут рыжеволосый веснушчатый мальчуган все-таки нагнал двойняшек. Некоторое время он пытался

отдышаться от длительной пробежки, жадно хватая ртом воздух. Первой не вытерпела Мара.

— Хватит, Дирк! Нам домой пора, выкладывай, чего хотел, или мы пошли. — Девочка сердито вздернула бровь.

— Да я поэтому вас и догонял! — всплеснул руками Дирк. — Нима тут сегодня такое устроила! Вас искала! Грозилась, что только появитесь, она вас выпорет так, что неделю сесть не сможете. К отцу моему приходила... а я на озере был, пришел домой, а он меня так за ухо дернул, думал, оторвет. — Парень обиженно ухватился за покрасневшее ухо. — А я-то почему знаю, куда вас леший унес?!

— Ты что, сказал, что один там был? Без нас?! — вскрикнул Ким.

— А ты бы не сказал, если бы тебя так за ухо отодрали? — обидевшись, насупился Дирк.

— Я бы ни за что тебя не выдал.

— Мальчишки, — буркнула Мара и добавила уже громче: — Ладно, Дирк, спасибо, что предупредил. Идем, Ким.

— Ты чего! Да мать нас по стенке размажет! — повторил Ким выражение, которое обычно слышал от Карима или от отца. Сам он смутно догадывался, как такое вообще может быть.

— Не размажет, если мы ей расскажем, где на самом деле были и чем будем заниматься завтра, — хитро сощурилась девочка.

Ким удивленно уставился на сестру, но та лишь снова поблагодарила Дирка и повернулась к дому. Паренек хотел было спросить у друзей, где же они по-настоящему были, но парочка уже удалилась на приличное расстояние.

«Вот так всегда! Двойняшки, чтоб их! Хоть бы мне рассказали! А то я за них понапрасну страдаю!»

Окончательно разобидевшись, Дирк обреченно поплелся к дому.

— Ты что, с ума сошла, мать ни за что не разрешит! — негодовал мой неразумный братик, а я с невероятным трудом пыталась сохранить серьезное выражение лица.

Но до нашей калитки оставалось уже шагов десять, и пришло время посвятить Кима в планы нашего прикрытия. Я резко остановилась.

— Скажи, ты правда надеялся ходить на свою дурацкую учебу в течение неопределенного срока ежедневно? И чтобы при этом никто не задавал тебе вопросов?

На мое справедливое замечание Ким недовольно хмыкнул,

но так ничего и не сказал. Довольная произведенным эффектом, я улыбнулась.

— Тогда, может, у тебя есть план? Нет? Значит, доверься той, кто всегда вытаскивает тебя из самых страшных неприятностей.

И это была правда. Я являлась для Кима кем-то вроде хранителя. Всегда приходила ему на помощь, вытаскивала его из самых запутанных передрыг. Началось все в тот день, когда моего брата затянул водоворот на озере Ома, и я кинулась за ним. Никто не верил, что шестилетней девочке по силам вытащить брата из воды. Но они не знали, на что способна моя любовь к нему! Я выплыла сама и спасла его. До сих пор вспоминаю, как тысячи ледяных ножей впивались в кожу, парализуя тело, вспоминаю, как было больно дышать... Но тогда это было не важно... Только Ким — вот что имело значение.

— Не знаю, братец, заметил ли ты, — специально растягивая слова и испытывая его терпение, начала я, — но неподалеку от хижины я заметила кое-что интересное...

— Ну хватит, Мара, говори!

Как всегда, никакой выдержки.

— Ладно. — И почему он никогда не дает мне насладиться своей сообразительностью?! — Там была поляна... Понимаешь, целая поляна глаза дракона!

— Что? — Брат удивленно посмотрел прямо мне в глаза.

Глаз дракона — это трава, которая ценится в Ирэми на вес золота. Растет она только в горах, причем круглый год, созревая даже в самый лютый мороз. Найти такой кустик — уже великое достижение, а большую поляну — что-то нереальное. Глаз дракона широко используется в целительстве — он ускоряет заживление ран, притупляет боль и дает жизненную силу. Я знала, как он выглядит: старая Рэйна однажды лечила этой травой Тэйро, одного из наших братьев. Я сама ходила со знахаркой в горы за глазом дракона и отлично помнила, что он собой представляет.

По дороге к магу я заметила поляну, буквально усеянную этой травой, и решила, что надо будет рассказать об этом маме, ведь, как она говорит, деньги лишними не бывают.

— Мы будем ходить в горы и охранять нашу травку. Для нас это отличное прикрытие, да и семье выгода. Зимой продадим. Может, и нам что-нибудь перепадет. И теперь у нас будет повод ходить на твои дурацкие занятия с чокнутым стариком, — с как можно более деловым видом подытожила я.

— Иногда ты меня пугаешь, сестра, — растерянно пробормотал Ким, и мы двинулись в сторону дома.

Естественно, мама нас уже ждала... с розгами в руке. Но, услышав мой рассказ о глазе дракона, тут же растерялась. Мы с

братом гадали, что же победит в матери — желание обеспечить семью или наказать нас за непослушание. Как я и предсказывала, побороло первое, и завтра нам с братом следовало идти сторожить «зимний урожай», не говоря никому ни слова, даже братьям и Дирку. Да мы и сами в общем-то не горели желанием об этом распространяться.

К ужину собралась вся семья: отец, уставший и голодный после тяжелого дня, проведенного в кузнице (летом заказов было особенно много), Карим и Тэйро, весь день помогавшие отцу, Бьерн, вернувшийся с рыбалки вместе с Элдаем, которого называли в честь нашего предка, и мы с Кимом. Мама поставила на стол большой горшок с картошкой и рыбой, а рядом — горшочек поменьше, с едой для меня. Все дело в том, что помимо слабого здоровья боги отметили меня еще и загадочной для нашего края болезнью, и имя ей — аллергия! Есть я могла, без вреда для здоровья и риска умереть от удушья, только самые незатейливые продукты. И конечно же никакой рыбы. Может, из-за этого я и была такой худой?

Мама села на другом конце лавки, давая знак начинать ужин. Этот ритуал был для всей семьи обязательным и ежедневным. Отец первым наложил себе порцию в тарелку, далее была мама, потом Карим, Тэйро, Бьерн, Элдай и Ким. Я приступила к еде последней, потянувшись к горшочку с кашей, сваренной на воде.

— Представляешь, Нима, сегодня у старосты коня подковывали, так думали, не приструним, совершенно неуправляемый мерин. Хорошо хоть Тэйро к нему подход нашел, а то так бы и провозились до ночи.

Дальше беседа потекла своим чередом. Мама отчитала Тэйро за неоправданный риск, потом Элдай начал рассказывать, как удачно они с Бьерном сходили на рыбалку. Брат сказал, что завтра неплохо бы съездить в Карген, городок местного значения, чтобы продать пойманное.

Я и Ким были на редкость молчаливы, но заметил это лишь Бьерн.

— А вы что, с нами не хотите? — изумился он.

— Нет, — ответила за нас мама. — Завтра они будут помогать мне по хозяйству.

— Сочувствую, мелюзга, — не особо сочувственным тоном сказал Элдай и злорадно улыбнулся.

Иногда мне кажется, что Элдай — такой гад! И не будь он мне братом... Но лучше не продолжать эту тему.

Остаток ужина прошел в тишине, больше никто особо разговаривать не хотел. Отец встал, и это было командой для всей се-

мы о завершении ужина. А мне пора было мыть посуду. Когда все разошлись, Ким решил пойти за Бьерном и резво поднялся с лавки. Ну вы только посмотрите, каков наглец?!

— Куда намылился? — ухватив его за рукав, ехидно поинтересовалась я.

— Ты чего, Мара? Бьерн с Элдаем завтра в Карген едут! — восторженно завопил брат.

— И что? Уже забыл о нашем уговоре? — Я приподняла бровь и посмотрела прямо ему в глаза. — Иди воду налей вон в тот чан и подогрей.

— Зачем это? — непонимающе спросил Ким.

— А затем, что будешь посуду мыть под моим присмотром.

— Я думал, ты пошутила, — опустив плечи и грустно вздыхая, Ким подхватил небольших размеров железный чан и поплелся к двери. Путь ему перегородила мама.

— И куда ты тащишь эту посудину? — подозрительно сощурившись, спросила она.

— Маре помогу. Мужик я или кто? Чего ей тяжести тягать, — с видом мученика или героя пробормотал Ким.

— Великая богиня, — всплеснула руками мать и даже опустилась на лавку. — Мужика, хоть одного мужика родила, — растерянно пробормотала она. — Ступай, сынок, ступай...

Таких ласковых слов, должно быть, от нее никто в жизни не слышал.

Так началось наше взаимовыгодное сотрудничество с Кимом, при этом полностью одобренное матерью.

ГЛАВА 2

Орэн Канэри вот уже несколько часов после ухода новоиспеченных учеников сидел не двигаясь в своем любимом кресле-качалке и завороченно смотрел на мирно колышущееся пламя в камине. Именно в камине. Не зря он проделал столь долгий путь из самого Эдэльвайса, столицы Ирэми, до северной границы пешком, чтобы протянуть портал из маленькой времянки в горах в свое собственное жилище. Теперь если магу понадобится покинуть страну, то стоит всего лишь открыть портал — и он уже на границе Ирэми, в хижине в горах.

Основная проблема заключалась в том, что нужно обязательно побывать там, куда открываешь проход, а также в нежелании Орэна, чтобы об этом его путешествии кто-либо знал. Пешком пересечь всю страну, чтобы так глупо попасться двум незадачливым ребятишкам... Но больше всего Орэна по-

трясло то, что у детей был дар. Причем у обоих. Это, конечно, не являлось причиной, по которой он обычно набирал своих учеников, но интуиция, которой он привык доверять, говорила, что эти дети важны. И он просто не смог отмахнуться от внутреннего голоса.

— Болван, — прорычал Орэн в пустоту.

— Это вы мне? — раздался сильный голос слуги Орэна, стоявшего у дверей гостиной.

— Нет, Элфи, это я себе, — все так же отстраненно пробормотал маг.

Элфи, старый гном, работал у Орэна так давно, что ни сам он, ни его хозяин не помнили, сколько именно. Обычно гномы редко покидают свои горы, но только не Элфиральд дэр Альвэ. Он ненавидел всем своим сердцем жизнь под землей и основной вид деятельности гномов — оружейное мастерство. Элфи сам покинул родовое гнездо в Соколиных горах, находящихся далеко на севере, и решил обосноваться в Эдэльвайсе, где и встретился с Орэном. За долгое время Элфи стал для мага не просто слугой, но другом, практически членом семьи.

Вопреки сложившимся стереотипам и традициям Элфи не носил длинной гномьей бороды, одевался у лучших портных и выглядел зачастую изысканней любого вельможи, хотя впечатление немного портил маленький рост и смешная походка.

— Магистр, вы не в духе? — участливо поинтересовался гном, присаживаясь на мягкий табурет рядом с магом.

— И сам не знаю, — грустно вздохнул Орэн.

— Как прошла поездка? Портал готов? — Элфи был единственным, кто знал о планах Орэна.

— С этим-то как раз никаких проблем...

— Но? — не унимался тот.

— Я взял учеников! — выпалил маг.

— Учеников?! — в изумлении воскликнул гном. — Зачем?

После того, что произошло, я думал...

— Я тоже так думал, Элфи, но это было нужно, понимаешь? — Орэн в растерянности посмотрел в голубые, как ясное летнее небо, глаза друга.

— Понимаю, Орэн, — вздохнул Элфи. — На тебя опять накапало... Какие еще беды должно всем принести твое шестое чувство, чтобы ты стал затыкать уши, едва оно начнет вопить вновь?

— Надеюсь, больше никаких, — грустно пробормотал маг, вновь устремляя свой взгляд на мирно потрескивающие поленья.

— Ну идем уже! — не выдержал Ким, когда я в очередной раз решила проверить, хорошо ли мы укрыли новые побеги глаза дракона.

— По крайней мере, это наша реальная выгода, — не стерпела я.

Сколько можно гоняться за призрачными надеждами вырваться из Пограничья и стать учеником Межрасовой академии магии? Обреченно вздохнув, я поднялась с колен и подошла к брату.

— Ладно, пойдем, — пробормотала я, уцепившись за руку Кима и покорно следуя за ним.

Дул легкий северный ветер, как бы напоминая, что тепло скоротечно, а холод не отступит никогда и что совсем скоро нас ждут первые заморозки. Даже жутко становится, как представляю, что и зимой придется сюда таскаться. Нет ничего страшнее, чем оказаться зимой в наших горах! Однажды нам с отцом пришлось подняться в горы ранней весной, и я едва не отморозила себе ноги. Помню, как Рэйна ругала отца, накладывая специальные мази на мои ступни, что он взял детей в такой поход. Но все же он был рядом и смог донести меня до дома. А что с нами будет, если подобное повторится? Ведь рядом не будет никого из взрослых, чтобы помочь (маг, разумеется, не в счет). Быть может, старикан сам откажется от занятий с нами? Или уедет ближе к зиме?

Мысли все продолжали блуждать в моей голове, в то время как ноги все несли к времянке вчерашнего знакомого. Когда до заветной обители знаний оставалось около десятка шагов, дверь тихонько заскрипела и в проходе появился Орэн. На нем была холщовая рубашка зеленого цвета и обычные порты. На вид — ничем не примечательный деревенский мужик, если бы не прозрачные кругляшки в золоченой оправе, взгроможденные на его длинный тонкий нос. Помню, это так поразило меня! Я тогда впервые видела очки и лишь смутно догадывалась, зачем они нужны, ведь в Пограничье подобных штукювин никто не носил. Вполне вероятно, что о существовании оных здесь вообще не подозревали.

— Приветствую вас, молодые люди, — необыкновенно вежливо начал разговор маг. — Более всего в своих учениках я ценю пунктуальность.

— Но у нас нет никакой пунтальности, — изумилась я. — Надо было вчера сказать, я бы у мамы попросила, а так — извините.

Вот старый бес! Пунтальность ему подавай! Мало того что топали сюда целый час, так еще и не с пустыми руками надо было! До чего же наглый сыч!

Я даже толком повозмущаться не успела, как поляна, на которой мы стояли, огласилась заливистым хохотом старого мага.

— Да, парень, я был прав, что с сестрой тебя в ученики взял, — все еще задыхаясь от смеха, бормотал Орэн, — с ней куда забавней будет.

Ким смущенно зыркнул в мою сторону.

— Пунктуальность, — медленно, проговаривая по буквам, продолжил маг, — означает способность приходить вовремя. Надеюсь, ни сейчас, ни впредь тебе не придется ее у кого-нибудь выпрашивать, — поправив на носу очки, закончил маг. — Прощу вас в дом, юные господа.

Пунцовая с головы до ног, я направилась в сторону времянки вслед за братом, смутно ловя себя на мысли, что ненавижу этого старика даже больше, чем Эву, девочку с соседней улицы, однажды назвавшую меня подкидывшем белокурых демонов. Не люблю чувствовать себя глупой и тем более соглашаться с тем, что я глупа. Но именно так я и выглядела.

Войдя в избушку, я ожидала окунуться в полумрак ветхих стен, но внутри комната была светлой и уютной. Кругом была странная для деревенского жителя мебель. Стулья были обиты приятной на ощупь мягкой тканью, вдоль стен расположились книжные шкафы, а около единственного окна стоял большой лакированный стол. Хотя во времянке была небольшая печка, сейчас огонь в ней не горел, но в домике было очень тепло. Ким не пытался скрыть своего изумления и все время крутил головой от одной стены к другой, жадно рассматривая книги, расставленные в шкафах одному Орэну известно, по какому принципу.

— Нравится? — поинтересовался маг.

— Да, — чуть ли не задыхаясь от восторга, ответил Ким.

— Из шкафа, что у окна, можешь взять что-нибудь почтитель, — добродушно предложил Орэн.

— Да, — замялся брат, — я лучше посмотрю.

— Не стесняйся, вы сюда учиться пришли, а начальный путь знаний — это книги.

— Да неудобно как-то, — начал было Ким.

Меня такое его поведение порядком достало.

— Читать он не умеет, что тут непонятного-то? — выпалила я.

Ким раздосадованно повернулся в мою сторону, и его смуглые щеки покраснели.

— Кто тебя просил? — рассерженно фыркнул он, сжимая кулаки.

— А ты, болван, как учиться-то думал?!

Нет, вы только посмотрите! Ни читать, ни писать не умеет, да еще выделывается, показывая, что книжки ему нужны.

— Это правда? — положив руку на плечо брата, спросил Канэри.

— Да, — потупив взгляд, пробормотал Ким.

— А ты умеешь?

— А я что, из золота сделана? — фыркнула я. — Если уж его не научили, то меня и подавно, женщина в наших краях разве что немногим дороже коровы. Так что, магистр, ни читать, ни писать мы не умеем. Как будете нас учить? Сразу предупреждаю: пороть не дамся, — гордо вскинув подбородок, заявила я.

Лукаво улыбнувшись, маг сказал:

— Ну, есть вещи и пострашнее порки.

Почему-то я ему поверила.

Дни мелькали, словно кошмарный калейдоскоп. Письмо, чтение, счет, работы по дому, уход за ненавистой травой... Чтобы все успеть, приходилось вставать гораздо раньше, чем обычно.

Меня всегда считали не слишком выносливым ребенком. Среди селян бытовало мнение, что именно старший близнец получает здоровье и силу. Как ни печально мне признавать, но Ким и впрямь был сильнее и выносливее меня. С самого младенчества я постоянно болела. С учетом здешнего климата было чудом, что мне удалось прожить хоть один десяток лет и разменять второй. Когда я преодолевала гору, поднимаясь к Орэну, я всякий раз думала, что становлюсь сильнее, хотя мое самочувствие по возвращении домой твердило обратное. Ноги распухали и нестерпимо ныли, все тело ломало так, словно по мне весь день прыгала бешеная коза. А во сне меня иногда лихорадило. Естественно, Ким это заметил, ведь спали мы с ним, как младшие дети, вместе на печке. И в одно прекрасное предосеннее утро, растолкав меня немного раньше обычного, он решил поделиться одной из своих светлейших идей.

— Ты со мной больше не пойдешь, — не терпящим возражения тоном сказал брат.

— Мм, — еще не понимая до конца, что от меня хочет в такую рань этот болван, промычала я.

— Я тебя не возьму, — как можно резче повторил он.

Больше уснуть я не смогла. В голове все тут же прояснилось, я подскочила, ловко повернулась на другой бок и взгромоздилась на брата. Должно быть, выражение моего лица говорило о многом, раз его решимость как ветром сдуло.

— Ну, Мара, посмотри, на кого ты стала похожа из-за этих за-

нятий! Думаешь, я не вижу, как ты всякий раз корчишься от боли, стоит тебя кому-нибудь задеть или попросить лишний раз встать вечером? Думаешь, не замечаю, как ты дрожишь по ночам? А сама горишь, словно в огне! Или не замечаю, как тяжело ты дышишь, когда мы утром идем к Орэну?!

На это возразить мне было нечего, но и сдаваться так просто я не собиралась.

— А ты наблюдательный, как я посмотрю, — переводя дух, съязвила я.

— Мара, перестань, я же не слепой, — с болью в голосе проговорил Ким.

— Тогда есть встречное условие, братишка. — Я едва ли не шипела от злости. Не думала, что выгляжу в его глазах настолько жалкой. — Хочешь ходить к Орэну — значит, будем делать это вместе. Или никак!

Растерянность на мгновение промелькнула в его взгляде.

— Зачем ты так?

Через час мы вместе вновь брели по горным тропам.

Орэн поджидал нас, сидя на крылечке перед столь убогой на первый взгляд избушкой. Его глаза лучились теплотой и светом, будто глаза родного человека. Прошло уже около месяца с того момента, как мы впервые встретились. И, как это ни странно, но он начинал мне нравиться. Моя враждебность сменилась уважением и легкой привязанностью. Ким же, как мне казалось, нашел свое собственное божество в лице почтенного старца.

— Что-то вы сегодня рановато, — улыбаясь, сказал маг.

— Просто раньше вышли, учитель, — с придыханием сказал Ким. — Я бы хотел с вами поговорить, — он невольно обернулся в мою сторону и продолжил: — Наедине.

Орэн нахмурил брови, а я непонимающе уставилась на брата.

— Хорошо, Ким, — предвосхищая меня, затараторил маг. — Пройди. А ты, Мара, подожди нас здесь. И кстати, можешь не пытаться подслушать, стены защищены специальным заклинанием.

Щеки мои запылали огнем, что означало: еще немного — и взрыва эмоций с моей стороны не избежать. Но на сей раз ничего, кроме гневного взгляда в сторону мага и брата, я себе позволять не стала. Вот все-таки мерзкий старикан! А еще минуту назад он мне даже нравился.

Попыхтев немного возле двери, я неимоверными усилиями собрала волю в кулак и поплелась в сторону находящегося неподалеку пенька. Кое-как взгромоздившись на него, подняла лицо к небу и решила, что раз меня игнорируют, то я в общем-то тоже

могу отдохнуть от них, наслаждаясь последними теплыми лучами северного солнца.

Когда маг вошел внутрь избы, за дверью еще некоторое время раздавалось недовольное пыхтение, а затем быстрые удаляющиеся шаги. «Ну и характер у этой козявки! Маленькая, а темперамент, как у... Впрочем, не будем о грустном». Тяжело вздохнув, Орэн повернулся спиной к двери и посмотрел на своего ученика.

— О чем ты хочешь поговорить, Ким? — спросил маг.

Парнишка выглядел растерянным и, будто не зная, как начать разговор, нервно переминался с ноги на ногу.

— Ну же, смелее. — Орэн ободряюще улыбнулся и жестом указал мальчику на стул, приглашая присесть.

— Учитель, мне неловко просить об этом, но я хочу, чтобы вы меня правильно поняли.

Паренек, будто собираясь с силами, передернул плечами и как-то чересчур резко сел на стул, сам же Орэн занял место напротив, за столом.

— Если ты перестанешь нервничать и просто мне все расскажешь, я постараюсь понять тебя правильно, — мысленно Орэн призывал себя к спокойствию. Ким действительно волновался, вся его аура буквально кричала об этом. И еще было чувство вины и ощущение, что он кого-то предает. Все это настораживало, и волнение незаметно передавалось и самому магу.

— Я хочу попросить вас...

Опять нервный вздох.

— Ну же, мальчик, не бойся.

Да что такого произошло за эту ночь?! В глубине души Орэн переживал только об одном: кто-то, наделенный даром, забрел в деревню и прознал о том, куда ребята ходят каждый день. Нет, невозможно. Но что же тогда?!

— Я хочу, чтобы вы сказали Маре, что больше не будете с ней заниматься, — на одном дыхании выпалил парнишка. И тут же покраснел.

«Стыд, точно стыд», — подумал Орэн, разглядывая ауру ребенка.

— Позволь спросить, почему я должен это сделать? — все так же спокойно проговорил маг. Хотя в душу закралось нехорошее сомнение. Может быть, мальчик завидует сестре? Ведь девочка ловит все на лету, в то время как Киму нужно немного больше времени. Неужели завидует? Маг еще раз всмотрелся в ауру ребенка, считывая его эмоции. Переживание, страх, любовь, вина. Нет, зависть тут ни при чем. Тогда что?

— Мара... Ей тяжело, — промямлил Ким.

— Что-то не замечал, что ей тяжело дается обучение, — ровным тоном сказал маг.

— Нет, она умная, очень умная, — в запале затараторил парнишка, — у нее голова работает уж точно лучше, чем у меня!

— Тогда почему я должен перестать с ней заниматься, Ким? Чего я не знаю? — Орэн старался говорить как можно более спокойно, ему казалось, что мальчику нужна поддержка.

Ким коротко кивнул своим мыслям и заговорил снова:

— Мама рассказывала... Когда мы с Марой родились, мама думала, что сестра не выживет, такой слабенькой она была. — Ким тяжело вздохнул, но все же продолжил: — С тех пор мало что изменилось... Все мы — мама, отец, братья — каждый раз вздрагиваем, стоит ей хотя бы чихнуть. Самая обычная простуда для Мары превращается в испытание на выживание. А для нас — в пытку неизвестностью. Выживет ли она? Или старуха Рэйна не справится, и уже вскоре поминальная лампада будет висеть над дверью нашего дома. Это страшно, учитель... очень.

— Я опять не улавливаю ход твоих мыслей, юноша. Прошу тебя, ближе к сути того, что ты хочешь мне сказать.

Орэн нетерпеливо забарабанил подушечками пальцев по лакированной поверхности стола.

— Я это к тому, что здоровья нет у нее каждый день в горы лазать. Да еще и осень начинается, а с приходом холодов ей совсем невмоготу станет. Но ведь упрямая как ослица, раз я хожу, то и она будет. Я вас прошу, учитель, поговорите с ней.

Ким вот уже как несколько минут молча смотрел на своего наставника. Орэн же что-то выводил пальцами на поверхности стола и, казалось, совершенно не обращал внимания на своего маленького ученика. В голове у старца в данный момент происходило совещание между всеми его «я» с целью выяснения, нужны ли ему вообще ученики? Если да, то необходимо отстаивать их интересы до конца, если нет, то, как бы это рискованно ни было, придется стереть деткам память. И пусть проваливают в свою деревню.

«А не кажется ли тебе, любезный маг, что надо было это сделать еще тогда, когда ты впервые их увидел?» — вразумлял один из голосов. И ведь была в этом истина. Он дал свое согласие обучать ребят, а это значит, что сейчас маг полностью за них отвечает. Он повел себя непозволительно безответственно. Слишком много случайностей было в том, как они встретились, как легко он согласился их учить. Орэн понимал, что нет ничего случайного в жизни, есть закономерности, ведущие к определенной цели. И если сейчас он вот так просто откажется от деток, все

может стать действительно плохо. Ведь не бывает хуже наказания, чем участь тех, кто не узрел своего предназначения и отказался от него. У детей своя судьба, а его задача в том, чтобы подготовить их к поступлению в академию. А дальше пусть будет так, как решат дети.

Еще множество мыслей роились в голове мага, но основное для себя и учеников решение он уже принял. Останавливаться на полпути было не в его правилах. Возможно, если бы он оставил детей и исчез, то все сложилось бы иначе. Жизнь двойняшек была бы незаметной и однообразной. Но этого не случилось.

Проведя рукой по своим длинным пепельным волосам, Орэн будто стряхнул с себя мысли и вновь устремил взор на мальчика, который едва ли не прокусил губу в ожидании ответа мага.

— Хорошо, Ким, я понял тебя. А теперь бери сестру и ступайте домой, сегодня у вас выходной.

Реакция мальчика на последние слова мага была весьма странной: сначала он покраснел еще сильнее, потом побледнел, затем сжал кулаки так, что побелели костяшки, и поджал губы.

— Вы прогоняете нас? — почти шепотом спросил Ким.

Орэн легко улыбнулся, привстал из-за стола и провел ладонью по щеке мальчика.

— Нет, всего лишь говорю то, что говорю. Идите отдыхать.

— Но... — попытался возразить ребенок.

— Домой, — уже жестче сказал Орэн.

Прохладный ветерок играл с моими волосами, солнце согрело щеки и не давало замерзнуть. Впервые за последние три недели я вот так просто сидела и наслаждалась бездельем. Пока Ким промывал мозги нашему дорогому учителю на тему того, что мне не следует больше ходить на занятия, я наслаждалась вынужденным отдыхом. Конечно, мне стоило догадаться, что он не оставит свою блестящую идею под названием: «Десять способов избавиться от родной сестры, или Как выиграть войну, не дав ей начаться».

Что он там сейчас наговорит старому дураку? А ведь я даже вступить за себя не могу! Обрисует меня какой-нибудь развалиной, и что потом делать? Зачем магу больные ученики, если ему и здоровые-то не всегда нужны?

С того самого момента, когда я начала понимать всю разницу между собой и другими детьми, в душе у меня поселилась боль. Им не составляло труда бегать целыми днями, купание в ледяной воде озера Ома не причиняло вреда их здоровью, легкий сквозняк не мог свалить их с лихорадкой в постель на недели. Это казалось мне таким несправедливым!

Болячки, словно стая голодных собак, накидывались на меня, стоило им только дать повод. Мама давно ввела свод правил для меня: теплые носочки на ночь, в озере не купаться (когда она видит, конечно), прежде чем выйти из хорошо натопленной избы зимой, остыть в сенях и всякая подобная чушь. Конечно, можно было бы назвать это ерундой, если бы не весь трагизм ситуации. Соседи, когда я в очередной раз заболела, сочувственно косились на мать. И я понимала, что означают эти взгляды: «Кто ж у тебя задаром такую девку замуж возьмет? Да и какой толк от нее в хозяйстве? Померла бы уж, все полегче стало бы».

И когда я шла на поправку, то всегда думала, что просто обязана выжить, хотя бы назло «добрым людям». Каждый раз, выходя на улицу с братом, я старалась не уступать остальным ребятам ни в чем. Может быть, даже занятия с Орэном где-то в глубине души я воспринимала, как очередное испытание. Я верила, что чем строже буду к себе относиться, тем сильнее стану.

Размышляя обо всем этом, я не заметила, как дверь старой избы отворилась и ко мне подошел Ким.

— Идем, — коротко сказал он.

Недовольно открыв глаза и сощурившись от яркого солнца, я посмотрела на брата.

— Куда?

— Домой, — недовольно буркнул брат.

— Зачем? — все еще не понимая, чего он хочет, спросила я.

— Учитель сказал, — громко вздохнул Ким.

— Ну, теперь ты доволен? — уперев руки в бока, как это делала мама, поинтересовалась я.

— Нет. Идем, — повторил Ким.

— Ну идем, — закусив губу, согласилась я.

И что теперь делать? Как все исправить? Вечно влезет, а я потом расхлебывай. Легко соскочив с облюбованного мною пня, я взяла брата за руку и пошла в сторону дома. Спрашивать Кима об их разговоре с учителем сейчас было глупо, скорее всего, накричит на меня, снимая напряжение, а потом будет дуться полдня. Ругаться настроения не было. Я чувствовала, как переживает брат. Волна боли, исходящая от него, ощущалась буквально физически. Ничего, я все исправлю, что бы он ни натворил. Я успокаивала себя, что нет ничего непоправимого. В молчании мы добрались до родной избы.

— Пойдем домой, я не хочу сегодня больше гулять, — как-то потерянно проговорил брат.

На мгновение мне показалось, что его карие глаза заблестели

на солнце, будто наполняясь слезами. Но ведь Ким не плачет, никогда!

— Конечно, — почти шепотом сказала я и провела рукой по его темно-каштановым кудряшкам.

Между нами будто плотина прорвалась. Ким порывисто прижал меня к себе и зашептал на ухо:

— Я хочу, чтобы ты знала, Марами: я не жалею, что поговорил с Орэном. Не жалею и о том, что теперь наши занятия, скорее всего, окончены. Все это глупости, лишь мои детские мечты. Главное для меня — это ты.

Ком подступил к горлу, стало больно дышать.

— И ты, Энаким, знай, — зашептала я в ответ, — для меня главное — это ты. А твои мечты не глупости, они — наша надежда на будущее. Что бы сегодня ни произошло, я все исправлю, ты же знаешь, — на мгновение я вырвалась из объятий брата и посмотрела в его темные глаза. Ким коротко кивнул, взял меня за руку и повел в дом.

Мама была приятно удивлена нашим ранним приходом. Дом был пуст, отец и старшие братья пропадали в кузнице, Бьерн, скорее всего, ухлестывал за очередной красоткой, как говорила мама, а Элдай еще на рассвете отправился на озеро за рыбой. Радость мамы от нашего прихода была основана, скорее всего, на том, что теперь она могла перевалить на нас всю грязную работу по дому. Таким образом, мне досталось мытье пола, а Киму — чистка очага, кормление уток, кур и свиней.

Так, в делах, незаметно приближался вечер. Я старалась не думать о том, что произошло сегодня утром, полностью надеясь на то, что новый день принесет не только свежий ветер, но и свежие мысли. К обеду вернулся Элдай, за ним — Бьерн. Ребята натаскали воды из колодца и отправились в кузницу, отнести обед Тэйро, Кариму и папе. Мы же с Кимом есть не стали, за что получили по подзатыльнику. «На сладкое», — как сказала мама.

Ближе к закату дверь в избу распахнулась, и в горницу вошли братья вместе с отцом.

— О, и двойняшки уже дома. А мы думали, вас опять семью собаками не сыщешь, — хихикнул Тэйро.

Смотря на братьев, я невольно подумала, в кого я только такая уродилась. Все широкоплечие, высокие, смуглые, с карими глазами и темными волосами. Мечта любой девушки. Пошли в отца и маму. И я, чахлая, худосочная, как поганка среди белых грибов. Карим выразительно принохался и торжественно изрек:

— Есть хочу!

— Все хотят, — хмыкнул Бьерн и прошел к столу.

— Мара, ты чего грустная такая? — спросил Тэйро, усаживаясь за стол.

Я неопределенно пожала плечами и вздохнула:

— Да так, настроения нет.

— Ну понятно. Ким, — позвал Тэйро.

Брат подошел к столу и вопросительно поднял глаза на Тэйро.

— Почему наша малышка грустит? Опять подрались? — Старший брат сурово свел черные брови и посмотрел на Кима.

— Нет, — буркнул он и сел рядом со мной, чем немало озадачил всех остальных.

Все знали: единственное, что могло заставить нас с Кимом грустить, — это ссора между нами.

— Они с самого утра такие, — сказала мать, ставя на стол горшок из печки.

Отец подошел к нам со спины и положил на головы свои огромные мозолистые ладони.

— Что стряслось? — просто спросил он.

Я подняла глаза на отца, и сердце болезненно сжалось. Врать было тяжело, но так необходимо.

— Да все нормально, папочка, садись кушать, — сказала я.

Папа нежно, насколько это возможно с его руками, погладил меня по голове.

— Точно? — нахмурился он. — Или брешете? — Следующий суровый взгляд был дарован Киму.

— Да не ругались мы, — коротко ответил он.

— Двойняшки... одно настроение на двоих, — сказал Элдай, садясь за стол.

К тому моменту, когда все уселись, уже совсем стемнело. Ели молча, наше с Кимом настроение словно передалось всей семье. Где-то через полчаса после начала ужина во дворе послышался лай Тузика, так звали нашу цепную собаку. Старый пес лаял как заведенный, а через мгновение в дверь постучали. Отец удивленно вскинул брови и посмотрел на маму.

— Я никого не жду, — невпопад сказала она.

Папа тяжело поднялся с лавки и направился в сторону входа, отодвинул засов и открыл дверь. На пороге стоял Орэн. Старый маг был одет в темно-синюю мантию, длинные волосы заплетены в косу, а в руках — кожаная сумка. От неожиданности я выронила ложку, и та с хлопаньем утонула в каше.

— Вечер добрый, хозяин, — сказал маг.

— Вечер добрый, — машинально ответил отец.

— Дозволено ли будет войти в сей дом магу королевства? — вопросительно вскинув бровь, поинтересовался Орэн.

— Конечно, конечно, — затараторил отец.

Маги королевства вызывали у жителей нашего края страх и уважение. Всем было известно, на что способны эти люди, если их не принять, как полагается. Отец широко распахнул дверь и жестом пригласил Орэна войти. Я украдкой бросила взгляд на Кима и для себя отметила, что не одна я пребываю в растерянности. Тем временем немного пришедший в себя отец вновь заговорил:

- Не угодно ли будет путнику разделить с нами ужин?
- Не откажусь, — кратко заметил наш учитель.

Хоть и выглядел Орэн глубоким старцем, но походка и осанка не выдавали его возраста и слабости. Маг неторопливо подошел к столу и сел напротив Кима и меня. Самое удивительное то, что именно это место оказалось свободным. Мы тарасились на старца во все глаза, а он в это время ерзал на лавке, устраиваясь поудобнее. Потом посмотрел в нашу сторону и нахально подмигнул.

За столом воцарилась гнетущая тишина, не нарушаемая даже стуком ложек. Все члены нашей немаленькой семьи смотрели на незваного гостя. Так мы, наверное, и просидели бы до утра, если бы не железный характер матери, привыкшей брать все в свои руки.

— Позвольте представить мою семью, — начала она издалека. — Мой муж Леонид Аррели, мои сыновья, — мама указывала на называемых выразительным взглядом, — Тэйро, Карим, Бьерн, Элдай, Энаким. Моя дочь Марами. Меня зовут Нима.

Орэн благосклонно кивнул и сказал:

— Орэн Саймон Канэри, член совета верховных магов при Межрасовой академии магии, если желаете, могу предоставить вам подтверждающий документ, — не дожидаясь ответа, Орэн открыл сумку и достал оттуда свиток, передав его отцу. Папа умел читать, но не слишком хорошо, поэтому без особого энтузиазма принял бумагу.

Но оказалось, что уметь читать в данном случае было обязательно. Едва папа развернул лист, свиток засветился голубым сиянием, и на поверхности возникла прозрачная фигурка человека в черной мантии. Призрачный маг начал вещать:

— Орэн Саймон Канэри, королевский маг. Родился в три тысячи пятьсот сорок шестом году по исчислению королевства Ирэми, является действующим членом совета верховных магов при Межрасовой академии магии, номер лицензии...

Проговорив нужный текст, человечек коротко поклонился и исчез вместе с сиянием, исходящим от документа. Если мы с Кимом знали, что Орэн действительно являлся магом, и ничему не удивлялись, то наша семья была к такому представлению не

особенно готова. Дрожащими пальцами папа передал свиток владельцу и как-то неестественно улыбнулся. Мама, как обычно, взяла себя в руки гораздо раньше отца.

— Чем, — тут она несколько замялась, — обязаны визиту столь почетного гостя?

Орэн легко вздохнул, широко и открыто улыбнулся и посмотрел в глаза маме.

— Я пришел к вам за своими учениками.

Я не могла ни вздохнуть, ни выдохнуть. Впервые в жизни я не знала, что сказать и что сделать. Как я могла все это допустить? Почему сразу не осадила брата? Сердце пропустило удар и тут же понеслось с сумасшедшей скоростью, и стук его отдавался в висках.

— Я вас не понимаю, господин маг. Мои дети не обучены магии, — как-то рассеянно сказала мама.

— Я и не говорю, что ваши дети, эсса Нима, обучены магии, — зачерпывая ложкой остатки каши из горшка, сказал Орэн. — Я говорю, что пришел забрать учеников.

Тут уже вмешался немного пришедший в себя отец.

— И кто же из присутствующих ваши ученики, господин? — отстраненно проговорил папа.

— А давайте у них спросим, — задорно подмигнув отцу, сказал Орэн.

Я так и осталась сидеть на своем месте, вперившись в Орэна немигающим взглядом. Но Ким аккуратно встал из-за стола. Шесть пар удивленных глаз уставилась на брата. Я поднялась следом за Кимом и принялась разглядывать доски на полу.

— Ч-ч-что это значит? — пробормотал Карим.

— То и значит, молодой человек, — сказал Орэн. — Ваши брат и сестра — будущие маги королевства. Если отправятся со мной, конечно.

Тишина воцарилась в воздухе, не слышно было даже дыхания мага. Все замерли. Затем мама вновь взяла нить разговора в свои руки.

— Но как? — удивленно спросила она. — Когда?

Орэн будто изменился. Из важного господина превратился в заботливого дедушку.

— Нима, у твоих детей есть дар, — нежно сказал маг. — Не признавать этого — кощунство, но забрать их без вашего с мужем согласия я не могу. Посмотри на Кима. Он младший сын, и ты знаешь, что это значит. И подумай, что могу дать ему я, — вкрадчиво сказал Орэн. — Посмотри на Мару. Какая жизнь ждет ее со всем тем, чем «наградила» ее природа? Кто возьмет ее замуж?

Словно острый коготок царапнул меня по сердцу, было больно, когда о тебе говорили правду при тебе, но не замечая тебя. Словно почувствовав мою боль, Ким аккуратно взял меня за руку. А старик продолжил:

— Подумай, что может дать ей магия. Здоровье, долголетие, безбедное существование — вот что я предлагаю твоим детям. А взамен лишь прошу твое и Леонида согласие. Я своего слова не нарушу. Не знаю, в курсе ли вы, но для мага ученики ближе, чем родные дети. Если уж признал, то до конца.

— Но... Но я так сразу не могу. — Вечно суровое лицо матери изменилось на неожиданно рассеянное. Ее глаза, глаза больной побитой собаки, обратились к отцу.

— Если ты поклянешься серебряной нитью, — неожиданно жестко сказал папа, — я дам согласие.

Орэн серьезно посмотрел на нас с Кимом и коротко кивнул. Его ладонь, которую он поднял перед собой, засветилась голубым сиянием, и маг сказал:

— Я клянусь перед вами, Нима и Леонид Аррели, серебряной нитью своей, что не нарушу слова и позабочусь о ваших детях, пока им это будет необходимо.

Сияние неожиданно полыхнуло, и на безымянном пальце мага возникла витиеватая татуировка в форме кольца.

— Такая клятва устроит тебя, кузнец? — как-то устало проговорил маг.

— Да, — коротко ответил отец. — Я принимаю твою клятву и даю свое согласие.

Тут отец сжал свою огромную ладонь в кулак и кратко махнул по глазу. Я почувствовала боль человека, что дал мне жизнь. Секунда — и я оказалась рядом с папой. Сидя у него на коленях и прижимаясь всем телом к широкой груди, я чувствовала, что отец растерян, как никогда. Его огромная ладонь гладила меня по голове, и его боль, казалось, пронзала всю меня. Я плохо понимала, что сейчас происходит и к чему это может привести. Но одно я знала точно: так должно быть. Орэн делал все правильно.

— Нима, что скажешь мне ты? — отстраненно спросил Орэн, будто заранее зная ответ.

— Я говорю тебе «да», маг, но ставлю условие, — сказала мать неожиданно жестко. — Марами и Энаким должны будут проводить дома не меньше месяца в году.

— Пока я буду отвечать за них, я могу это обещать, — легко сказал Орэн.

— Да будет так, — кивнула Нима.

— А теперь не покажете ли вы мне, хозяева, где я могу поспать перед дорогой. Завтра на рассвете мы уезжаем.

Казалось, последняя фраза мага произвело больший эффект, чем все предыдущие новости. Братья, до того сидевшие просто с открытыми ртами, теперь беззвучно хватали ртом воздух. Папа пересадил меня на одно колено, а на другое посадил Кима и крепко сжал нас в объятиях.

Мама тяжело поднялась со стула и пригласила мага следовать за собой. Как только Орэн исчез из комнаты, к объятиям отца присоединились еще четыре пары рук. Никто не спрашивал, как нас угораздило влипнуть во все это. Мои братья просто старались на несколько мгновений дольше удерживать маленьких близняшек в своих объятиях.

— Энаким, — зашептал отец, — Марами теперь на твоём попечении.

— Да, и если хоть волос упадет с её головы, — угрожающе продолжил Элдай.

— Одним словом, — сказал Карим, — ты в ответе...

— За честь и здоровье сестры, — подытожил Тэйро.

Бьерн просто крепко поцеловал меня в макушку и потрепал по голове Кима. «Кто там еще за кем будет присматривать?» — подумала я, но вслух ничего не сказала. Через несколько мгновений вернулась мама.

— Я хочу поговорить с Марами... наедине, — сосредоточенно сказала она.

Братья, как по команде, разомкнули объятия и разошлись по своим комнатам. Остались только я, Ким, отец и мама.

— Наедине, — повторила она.

Мы с братом аккуратно поднялись с колен отца. Ким и папа направились за братьями, а я осталась одна посреди обеденного зала.

— Мара, — с болью в голосе сказала мама и распахнула свои объятия. Со слезами на глазах я кинулась в них, как в омут.

— Мамочка, — всхлипнула я, задыхаясь от нахлынувших эмоций. — Я позабочусь о нем, не волнуйся, все с ним будет хорошо, я помогу, только ты не волнуйся, я позабочусь, — продолжала я лепетать, даже сама не понимая, что за бред несу.

— Я знаю, детка, — нежно погладив меня по голове, проговорила мама. — Я хочу поговорить не о нем, а о тебе.

Я отстранилась от матери и посмотрела в ее мутно-коричневые глаза, наполненные непередаваемой тоской.

— Дочка, тебе тринадцать, и ты покидаешь меня... Чшш! — Мама приложила палец к моим губам. — Покидаешь, — утвердительно сказала она. — Я хочу тебе кое-что отдать. — Мама протянула ко мне руку, в которой находилась простая деревянная

шкатулка. — Не пытайся открыть ее, она откроется сама, когда придет ее время.

Я растерянно приняла шкатулку из рук матери и вновь зарылась в складках ее платья.

— Пойдем, девочка моя, надо собраться, — нежно сказала мама. И я послушалась.

Рассвет, как хищная змея, подкрался незаметно. Казалось, только я положила голову на плечо уже спящего Кима, как мама толкает меня в бок и говорит, чтобы я просыпалась.

Плохо помню, как одевалась, как таскала седельные сумки к лошадям, что привел Орэн, как будила Кима. Зато хорошо помню, как прощалась с семьей. Первым меня обнял Тэйро, я глубоко зарылась лицом в его густых волосах. Его тяжелая рука нежно погладила меня по голове.

— Будь осторожна, девочка моя, не верь никому, — зашептал брат. — Все, что есть настоящего у тебя, — это мы и Ким, доверяй ему.

Я крепко прижалась к груди Тэйро и пробормотала слова благодарности.

Карим провел пальцами по моей скуле и просто подмигнул. Я невольно улыбнулась.

Элдай и Бьерн обняли меня так, что затрещали ребра. А мама и папа притянули нас с Кимом к себе и просто сказали:

— Возвращайтесь.

Я ехала на лошади, придерживаемая братом. На другой лошади ехал Орэн, указывая путь из деревни. Мы не обменялись ни словом со вчерашнего вечера. Держать дистанцию было просто. Орэн не пытался заговорить, мы с Кимом не стремились что-либо узнавать. Все условия сделки оговаривала клятва, данная магом.

Деревня осталась за поворотом, когда Орэн повернулся ко мне с братом и на полном серьезе спросил:

— Спать хочется, да?

— Да, — синхронно ответили мы с братом.

— Так спите, — это последнее, что я смогла запомнить, прежде чем мои веки сомкнулись и я провалилась в небытие.

ГЛАВА 3

Проснулась я уже на невероятно мягкой кровати. Пуховое одеяло дарило приятное тепло. Вставать совершенно не хотелось. Так хорошо мне давно уже не было, точнее, никогда. Но где

Ким? Я огляделась и поняла, что нахожусь в совершенно чужом доме.

Огромная комната. Из широких окон льется свет. В дальнем углу — изысканное трюмо. У стены — платяной шкаф. Высокие потолки вместо чувства свободы дарили ощущение дискомфорта и незащищенности. Брата не было рядом, это тревожило меня, и я, откинув одеяло, слезла с кровати, чтобы оглядеться.

Не заметив ничего, что бы могло таить незримую опасность, я подошла к шкафу и распахнула дверцы. Внутри находилось невероятное множество платьев и костюмов, что самое интересное, моего размера. Я достала первое, что попало под руку, и надела на себя.

Из зеркала на меня смотрела маленькая белобрысенькая девочка в голубом платьице с бантиком на макушке. Девочка жестоко содрала бантик с себя и кинула в угол комнаты. Теперь это была я. Глубоко вздохнув, я потянула дверь спальни на себя.

Что приятно удивило, дверь поддалась. Выйдя из комнаты, я оказалась в длинном коридоре. С одной стороны была стена, а с другой — ограждение. Находясь на втором этаже, можно было смотреть вниз, на первый. Я заметила деревянную лестницу и, рассудив, что на первом этаже можно скорее кого-нибудь найти, поспешила вниз.

Все в этом доме было удивительно. Никаких деревянных стен, все из белого камня. На стенах висели в золоченых рамах портреты людей в необычной одежде и такой завораживающей красоты пейзажи, что я готова была рассматривать их днями напролет.

Спустившись вниз, я так и охнула. Все стулья и маленькие табуретки были обиты мягкой тканью. Огромные шкафы заставлены книгами. Окна в человеческий рост были завешаны прозрачной, словно невесомая дымка, тканью. Захотелось подойти и потрогать ее, чтобы удостовериться, правда ли это ткань и какая она на ощупь. Уже подойдя к окну и протянув руку, я замерла. Кто-то учтиво кашлянул за моей спиной.

— Измажешь — сама стирать будешь, — сказал низкий мужской голос.

Невольно вздрогнув, я резко обернулась, да так и застыла с открытым ртом. В нескольких метрах от меня стоял мужчина с рыжими волосами до плеч и гладко выбритым лицом. Зеленый костюм облегал фигуру, делая его плечи еще более широкими на фоне узкой талии. На вид — лет сорок, но точно сказать я не могла, ведь это был не человек, а... гном. Бритый, дорого одетый гном! На полголовы ниже меня!

— Чего вылупилась? — Гном недовольно фыркнул и подошел ко мне.

Что-то промычав, я попяtilась к окну.

— Немая? — сочувственно вздохнул мужчина.

— Нет, — густо краснея, сказала я.

— Жаль, — лукаво сощуриив нежно-голубые глаза, ответил гном и протянул мне руку. — Элфиральд дэр Альвэ.

— Марами Аррели, — буркнула я, неловко пожимая широкую ладонь гнома.

— Интересное имя для человека, — как-то рассеянно сказал Элфиральд, но тут же открыто улыбнулся и вновь заговорил: — Я уж думал, вы с братом в спячку впали. Это же надо: два дня проспять!

— Два дня, — эхом повторила я. — А Ким где?

— О, твой брат еще спит, но думаю, будить его не следует, из магического сна нужно выходить самому.

Магический сон... Память услужливо подкинула мне эпизод с Орэном в главной роли, где мы с братом выступали в качестве послушных овец. На душе стало как-то нехорошо. Для чего нужно было нас усыплять? И где мы сейчас? Если первый вопрос лучше было задать конкретно учителю, то на второй, наверное, мог ответить и гном.

— Где я?

— Эдэльвайс, столица королевства Ирэми, — просто сказал он. — Наследственный особняк семьи Канэри, если быть более точным.

— Эдэльвайс?! — теряя голос, взвизгнула я.

Гном утвердительно качнул головой и вновь улыбнулся.

— Не может быть, — немного придя в себя, изрекла я.

— Почему? — искренне удивился Элфиральд.

— Потому что, уважаемый Элфиральд, от нашей пограничной деревни до Каргена — два дня пути, а уж до Эдэльвайса — недели две, никак не меньше!

— Часто ездила? — иронично изрек рыжий гном.

Вновь краснея, я отрицательно качнула головой.

— Да не волнуйся так. Орэн скоро вернется, все объяснит. А пока давай пообедаем.

Есть и правда хотелось. Если верить гному, то проспала я два дня, а во сне, как известно, не едят. Я коротко кивнула.

— Ну вот и отлично. Следуй за мной. Кстати, можешь называть меня Элфи, не люблю длинных имен.

— А меня все Марой зовут, — как-то растерянно пробормотала я.

— Как скажешь, Эм, — задорно подмигнув, Элфи повернулся ко мне спиной и быстро зашагал к выходу из комнаты.

«Эм!» Ну надо же! Не любит он длинных имен! Четыре буквы сложно выговорить.

Огромная столовая была декорирована в темно-синих тонах. Посередине находился большой круглый стол с белоснежной скатертью, сервированный на двух персон. Сев на предложенный стул, я с грустью заметила, что в этом голубом платье буквально сливаюсь с мебелью. Элфи проследил за моим взглядом и понимающе хмыкнул.

— Орэн будет обучать вас двоих магии, а мне, похоже, придется заняться более необходимыми вещами. Например, такими, как развитие вкуса, умение правильно одеваться и вести себя в обществе.

— Это вообще не мое платье, — обиженно буркнула я.

— Платье отличное, но вот носить его ты не умеешь, потому и сливаешься с обивкой стула, — не обращая внимания на мой тон, сказал гном.

Я решила не отвечать на открытую грубость (все-таки не дома) и просто потянулась к накрытой серебристой крышечке супницы. И тут же получила по рукам.

— За что? — обиженно засопела я.

— За то, — содержательно ответил гном.

Помолчав еще какое-то время, он начал разговор первым.

— Межрасовая академия, Эм, — это не то место, где можно вести себя так, как вы с братом привыкли. Простые люди там не обучаются, равно как и нелюди. У нас есть время подготовить вас к поступлению, ведь в академию не берут в столь юном возрасте. И я прошу тебя, Эм: раз уж вы решили туда поступить, то постарайся научиться вести себя так, чтобы ни один из студентов в будущем не заподозрил в тебе деревенщину. Сама потом спасибо скажешь.

Никогда в жизни я не чувствовала себя столь униженно. «Деревенщина!» Не думала я, что когда-нибудь устыжусь своего происхождения. Защищало глаза.

Большая мужская ладонь неожиданно легла мне на плечо.

— Ну, девочка, спрячь слезы, все не так страшно, как кажется. Даже приятно. — Элфи тепло улыбнулся, и я поняла, что у меня появился новый друг. С одной стороны, гном оскорбил меня, а с другой — где-то в глубине души я осознала, что действительно однажды скажу ему огромное спасибо.

Обед проходил под содержательные комментарии гнома о том, как следует есть, пить, сидеть, резать мясо. Какой вилкой нужно есть салат, какой — рыбу, которую мне, кстати, нельзя, а

какой — мясо. Куда смотреть, когда жуешь, как открывать рот и как держать его закрытым, пока еда не проглочена. Новость о том, что у нас дома была всего одна вилка, да и та хранилась, как сувенир, шокировала рыжего демона этикета. Он как-то плотоядно облизнулся и сказал, что на ближайшие лет пять обеспечен интересной работенкой. Одним словом, по окончании сего действия, больше напоминающего не обед, а пытку, я поняла, что снова хочу спать. Но не тут-то было! Заставив меня промокнуть губы салфеткой из белоснежной ткани, гном как-то нехорошо уставился на мои руки.

— Милая, а мыло у вас дома тоже считается сувенирной продукцией?

— Что? — не поняла я.

Мыло каждая семья варила для себя. Им стирали одежду, ну и брали с собой в баню. Так как процесс его приготовления был весьма трудоемким, то разбрасываться этим продуктом было не принято.

— Не важно. Вставай и следуй за мной.

Гном повел меня на второй этаж. Я уже было обрадовалась, что наконец-то он отстанет от меня и сейчас просто решил проводить до моей комнаты, но нет. Элфи важно прошел мимо нее. Я с сожалением покосилась в сторону спальни, но промолчала. В конце длинного коридора Элфи остановился и открыл крайнюю дверь.

— Это ванная комната для тебя и брата, — просто сказал гном.

Комната не уступала по размерам той, в которой я проснулась, только в центре находился огромных размеров белоснежный чан (как оказалось, ванна). Все стены были из серого гладкого камня, рядом с большим окном стояло высокое зеркало. На бесчисленных полочках расположились красивые скляночки с непонятным содержимым. Пушистые полотенца были уложены аккуратными стопками.

— Дом Канэри — один из богатейших домов Эдэльвайса, поэтому у нас есть канализационная система, — с гордостью изрек Элфи.

— Чего у вас есть? — растерянно переспросила я.

— Сейчас увидишь. — Гном подошел к ванне и крутанул один из крестообразных кранов. Из длинной трубки, висящей над чаном, потекла вода. — Температура воды регулируется вот так. — Элфи крутанул второй крестик. — Иди попробуй.

Я послушно подошла и потрогала воду, покрутила краники. Принцип действия механизма был прост и в то же время удивителен. Пока я восторженно рассматривала это чудо, Элфи уже

сыпал в ванну какие-то смеси. Вода начала пениться и поменяла цвет на светло-розовый.

— Как наполнится, закроешь краны, разденешься и залезешь, после позовешь меня, я пока подожду за дверью, — сказал гном и вышел из ванной. Вода быстро наполняла чан, а мыльная шапка на поверхности разрасталась. Решив не злить лишний раз странного рыжего гномика, я послушно выполнила все, что было сказано.

— Я все, — крикнула я, удобно устраиваясь в воде так, что была видна только одна моя голова.

— Хоть ты и человек, Эм, — начал гном прямо с порога, — но и ты сможешь выглядеть не хуже эльфийки или вампирши, не уступая им в красоте. Главное — это уход, — наставительно произнес гном, а я покраснела. — Не смущайся. Сейчас для тебя, в силу возраста, то, о чем я говорю, не имеет значения. Но с поступлением в академию многое изменится. Ты должна знать, что простолюдины не допускаются к обучению. Как я уже сказал, моя задача — вылепить из тебя с братом цвет аристократии Ирэми, остальное — дело Орэна. Так что приступим. Сейчас я тебе помогу, но впредь будешь делать все это сама. Ежедневно.

— Элфи, ты чего, считаешь, что я помыться сама не могу?

Хорош гусь, думает, самый умный, что ли?

— Полагаю, что не можешь, — ответил гном и велел мне с головой нырнуть под воду. «Утопит еще», — мелькнула мысль, но я подчинилась.

С этого момента начался кошмар. Большие грубые руки втирали мне в волосы какие-то мази, гном призывал меня запоминать все то, что использует. Хотя, на мой взгляд, это было просто за гранью реального. Мази, наносимые на мои волосы, пахли то цветами, то, откровенно говоря, дерьмом каким-то. Но ничто долго не задерживалось и через несколько минут смывалось теплой водой. Потом Элфи поставил стульчик рядом с ванной, сел на него и положил к себе на колени маленькую сумочку с какими-то небольшими напильниками.

— Давай руку.

Я испуганно уставилась на гнома, но руки не дала. Элфи надрывисто хрюкнул, сдерживая смехок, а потом снова заговорил.

— Давай, не бойся, больно не будет. Зато на человека станешь похожа, — пробубнил этот рыжий кошмар.

Больно и правда не было, но и приятного было мало. От звука спиливаемых ногтей мурашки стройными рядами бежали по телу. Так, палец за пальцем Элфи обрабатывал мои руки, потом велел вытащить из воды ноги, и все повторилось. Это был самый

жуткий помывочный день в моей жизни! А гном еще хочет, чтобы я все это каждый раз повторяла!

— Сейчас я выйду, ты ополаскивайся, а после вотрешь вот это в тело.

Элфи поставил пузатую склянку на свой стульчик.

— Надевай халат и выходи, продолжим у тебя в комнате.

От этого «продолжим в комнате» стало как-то совсем нехорошо, но на побег не было ни сил, ни желания.

Выйдя из ванной в пушистом халате, которым я могла обернуться два раза, я наткнулась на невозмутимый взгляд голубых глаз.

— С легким паром, — гаденько улыбаясь, сказал гном. Рядом с ним стояла девушка в черном платье с белым передником.

— Лисса, — сказал гном, обращаясь к ней, — это племянница господина Канэри, о которой я тебе говорил. Эсса Марами, — впервые гном назвал меня полным именем, — Лисса будет твоей личной горничной с завтрашнего дня.

Я коротко кивнула, скрыв озадаченный взгляд под пушистыми ресницами.

— Ступай, Лисса, я проинструктирую тебя позднее.

Девушка поспешно поклонилась и потрусилась в сторону лестницы, ведущей на первый этаж. Как только она скрылась из поля видимости, я не выдержала.

— Какая такая племянница? — зашипела я.

— Такая, — неохотно начал гном. — Орэн приедет, сам все объяснит, а нам еще с тобой гардероб надо осваивать. Идем.

Через долгих мучительных два часа меня наконец-то оставили в покое. Я сидела на непривычно большой кровати и отрешенно разглядывала себя в зеркало. То, что намудрил гном, было красиво, но ощущала я себя гадко. Будто не я это, а незнакомка какая-то задумчиво смотрит на меня из зеркала. Не знаю, сколько я так просидела, но голод решительно напомнил о том, что пора бы и покушать.

Неохотно поднявшись на ноги, я вышла из комнаты. Первое, что бросилось мне в глаза, так это Ким, вяло идущий за Элфи в сторону пыточной комнаты. Я даже не успела его окрикнуть, как дверь за ними захлопнулась.

О том, чтобы поужинать, речи уже не шло, я решила подождать, когда рыжий мучитель закончит с братом, и тогда уже пойти поесть. Ждать пришлось долго, к тому времени, как до меня донеслись шаги, за окном уже опустились сумерки. Я решительно поднялась и почти бегом направилась к двери. Должна сказать, что успела я как раз вовремя. Еще немного — и гном увел бы брата в неизвестном направлении.

— Ким, — окликнула я его.

Ким, так же как и я несколько часов назад, был укутан в баный халат и шлепал по коридору в пушистых тапочках. Услышав мой голос, он резко остановился и круто обернулся в мою сторону. На его лице читалось облегчение. Должно быть, такое же выражение было и у меня. Не дожидаясь, когда Элфиральд затащит брата «осваивать гардероб», я со всей возможной скоростью побежала к нему. Мы крепко сжали друг друга в объятиях, и это прикосновение к родному человеку было словно глоток свежего воздуха.

Ким неохотно отстранился и оценивающе оглядел меня.

— Я смотрю, он, — на этом слове брат выразительно скосил глаза в сторону Элфи, — до тебя добрался раньше.

— Сама пожалела, что из комнаты вышла, — улыбнулась я.

— Между прочим, я все еще тут, — обиженно сказал гном.

Мне тут же стало неловко за наши с Кимом слова, ведь Элфи действительно старается.

— Прости, Элфи, Ким выглядит потрясающе, и все это — благодаря тебе, — попыталась извиниться я.

— Да, Элфи, извини. И спасибо тебе. Даже такая, как Мара, преобразилась, — ухмыльнулся брат.

Если бы Элфи знал, к чему приведут последние слова брата, то схватил бы его за шиворот и оттащил подальше от меня. Но он не знал.

Я подняла ногу и что было силы опустила пятку на носок брата. У меня как-то совсем вылетело из головы, что гном выдал мне туфельки на каблучке. Ким взвыл и дернул меня за косу. Тут уже взвыла я. Все закончилось бы, как обычно, нашей свалкой на полу, если бы не вмешался Элфиральд. Гном просто схватил нас за шиворот и развел руки. Спротивляться желания не возникло.

— Еще раз устройте нечто подобное — и вместо ванны, мягкой постели и ужина будет глухая комната без окон и крынка воды на весь день. — В его голосе звучала сталь, и становилось понятно, что он не шутит. — Все ясно?

Мы с братом коротко кивнули.

— Ну вот и ладушки. Эм, ты идешь вниз и ждешь нас в красной гостиной, мы с Кимом спустимся через пятнадцать минут. Ты меня поняла?

— Да. А где красная гостиная? — как-то растерянно, все еще удерживаемая гномом, спросила я.

— Иди на шум, — коротко сказал он и разжал пальцы, отпуская воротник моего платья.

Кивнув, я решила не испытывать терпения рыжего беса, преклотившего свое внимание на Кима, и поспешила к лестнице.

Из глубины дома и впрямь доносились какие-то звуки. Музыка. Кто-то играл замысловатую мелодию, и даже если бы гном направил меня в другой конец дома, я все равно не удержалась бы и последовала на звуки, что наполняли тишину. Пройдя вдоль нескольких галерей и сквозных комнат, я буквально уткнулась в большую дубовую дверь. Потянула ее на себя и застыла на пороге. В приятном полумраке гостиной на небольшом стуле сидел Орэн, а его пальцы порхали по белым и черным клавишам неизвестного мне инструмента. Здесь музыка отражалась от стен и заполняла собой все пространство. Видимо услышав, как распахнулась дверь, Орэн опустил руки и повернулся в мою сторону.

— Мара. — Маг приветливо улыбнулся, как делают это заботливые дедушки, видя любимых внуков. — Как самочувствие?

— Ну, как вам сказать. В общем-то нормально.

— Вижу, Элфиральд уже с тобой повстречался? — Улыбка мага стала шире.

— О да. И даже сказал, что теперь мы будем видеться регулярно. — Я устало вздохнула. — Сейчас он расправится с Кимом, и они к нам присоединятся.

— Ясно, — хмыкнул маг.

— Скажите, учитель, зачем все это? — Я выразительно посмотрела на свое новое платье.

— Тебе не нравится? — Орэн вопросительно изогнул седую бровь.

— Нет, то есть да, — запуталась в словах я. — Конечно нравится! Просто я не понимаю.

— Чего?

— Не понимаю, почему нам делают такие подарки? Для чего?

— Ах, Мара, вот уж не думал, что такой вопрос озаботит тебя. Но ты права. Ничто не дается нам просто так.

— Что вы имеете в виду, учитель? — От нехорошего предчувствия стало больно дышать.

— Мара, ты правда думаешь, что я взял вас с братом в ученики потому, что у вас глаза красивые?

То, что говорил Орэн, было мне непонятно, но перебивать его я не решилась.

— Я один из ведущих магов королевства и принадлежу к известному дворянскому роду. Как ты считаешь, легко ли попасть ко мне в ученики?

— Думаю, нет, не легко.

— Правильно думаешь. Я не брал учеников очень давно... И представь себе мое удивление, когда я увидел вас. Двое гряз-

ных, нечесаных деревенских ребятишек с таким потенциалом... Словно алмаз в луже нашел. В королевстве давно не рождалось магически сильных детей. Да еще этот запрет на обучение черни... — Орэн тяжело вздохнул. — Одним словом, вы нужны не только мне, вы нужны стране, и пусть королевство запрещает учить детей простолюдинов, но оно не запрещает магам брать в ученики наследников дворянских кровей.

— Но мы...

— Теперь вы — мои дальние родственники, рано осиротевшие дети двоюродного брата, погибшего на северной границе. Ничто не происходит просто так, и если бы я отвернулся от того, что само пришло мне в руки, неизвестно, к каким последствиям это привело бы в будущем. Что же касается твоего вопроса... Чтобы завершить обучение, придется поступить в академию. А для этого нужно не только иметь магический дар, но и вести себя не как простые смертные. Когда вы вырастаете, то займете весьма достойное положение в обществе, а это труд, так что Элфи в определенном смысле — тоже ваш с Кимом учитель. И то, что ты назвала подарками, на самом деле — инструменты вашего обучения. Помнишь, что я сказал твоей матери, Мара? Ученики для мага ближе, чем родные дети. — Орэн вновь глубоко вздохнул. — Это правда. И я теперь для вас тоже родственник, второй отец, если хочешь.

Я невольно вздрогнула от его последних слов. «Второй отец», как такое может быть?!

— Одним словом, однажды ты сама все поймешь, а теперь, может, пройдем в столовую? Есть хочется.

— Конечно, но я еще кое о чем хотела спросить.

Орэн устало вздохнул, но кивнул, разрешая задать вопрос.

— Зачем вы нас усыпили тогда, за деревней, и почему, проспав всего два дня, мы очнулись уже в Эдэльвайсе, в то время как от Пограничья до столицы — две недели, если не больше, — на одном дыхании выпалила я.

— Ох, какая же ты любопытная, девочка. — Орэн лукаво улыбнулся, но все же ответил: — Я маг, а не обычный путник на лошади.

Улыбка его стала еще шире. Он словно говорил: «Как хочешь, так и думай». Настаивать на другом ответе я не стала.

После этого разговора до меня медленно, но верно стал доходить весь смысл слов мага. Нам многое предстоит пережить вместе, и теперь он и гном — еще одна наша семья.

Мы вошли в столовую, а через какое-то время к нам присоединились Элфи и Ким. Кстати, брат выглядел... Как бы это сказать... С легкой руки гнома Ким превратился в дворянина. Если

я чувствовала себя неудобно, примеряя новый образ, то брат выглядел совершенно естественно. Грациозно сев за стол, он продолжал слушать наставления Элфи с хищным блеском в глазах.

— С завтрашнего дня мы начинаем занятия в полную силу, — заговорил Орэн, привлекая всеобщее внимание, как только прислуга занялась сменой блюд. — К уже изучаемым дисциплинам прибавятся новые: основы магического искусства, травоведение, управление энергией. А еще — этикет и ораторское искусство, этим займется Элфи в послеобеденные часы. Два раза в неделю вы будете заниматься танцами, еще два дня — верховая езда. В оставшиеся три дня — обязательные физические тренировки. Прошу, дай мне договорить, Ким. — Орэн поднял руку. — У вас уже немного не тот возраст. В том смысле, что дети начинают готовиться к учебе в академии с того момента, как делают первые шаги, а имеющих у нас с вами в запасе четырех лет непозволительно мало. Я знаю, что у Мары проблемы со здоровьем, — я густо покраснела от последней реплики мага, — поэтому буду жестко контролировать твое состояние, девочка. И прошу не замыкаться в себе, доводя свое тело до полного изнеможения. Говорите со мной о том, что тревожит вас, одним тяжело решать проблемы. Через год вы сможете навестить родных, естественно, если будете справляться с программой, приготовленной для вас. А теперь ступайте отдыхать, завтра сложный день.

В эту ночь я тихонько пробралась в комнату брата и заснула у него на плече, вымочив рукав его рубахи тихими и оттого еще более горькими слезами. Детство кончилось, оставив лишь призраки воспоминаний о снежных шапках гор; круглом, словно блюдце, и гладком северном озере Ома; согревающих даже в самый лютой мороз улыбках братьев; грубых и таких нежных руках отца и всепрощающих объятиях матери. Все это осталось где-то далеко, и мне было страшно от того, что однажды я могу все это забыть.

Первый день занятий был не просто тяжелым, он был выматывающим до полного изнеможения, до потери чувствительности тела. Дообеденная часть тренировок прошла под руководством Орэна. Мы учились правильно дышать, концентрировать внимание, пробуждать силу. Разбирали простейшие травы, решали элементарные математические примеры, занимались орфографией и чтением. После обеда под руководством Элфи учились танцевать, точнее, не оттаптывать друг другу ноги. Гном лишь грустно вздыхал, смотря на наши хореографические потуги, но сдаваться, как оказалось, было не в его правилах. Затем учились правильно приветствовать разные сословия людей

и нелюдей, выражать интонацией свои желания, произнося ничего не значащие фразы. Сотни раз произносили глупый набор слов, призванный развивать речь, Элфи называл его скороговоркой. К вечеру больше всего болел язык, отказываясь шевелиться. И конечно же водные процедуры в конце дня. Расслабившись, я едва не уснула в этой ванне, хорошо еще, что нервный стук Кима в дверь вовремя привел меня в чувство.

Так полетели дни. Из всех занятий мне более всего нравилась верховая езда. Прогулки на свежем воздухе давали столь желанный отдых, да и сами лошади притягивали меня к себе и дарили успокоение. Эдэльвайс находился на юге королевства и был портовым городом. Правда, с нашим распорядком дня посмотреть как на город, так и на море можно было лишь во время верховой прогулки. Танцы тоже со временем начали покорять мое сердце, наверное, с тех пор, как Ким перестал топтаться по моим ногам. Что касается тех трех дней, что отводились на физические тренировки, никто не предупредил, что этими тренировками окажутся занятия с мечом. Я не то что поднимала оружие с трудом, даже замахнуться нормально не могла. Зато вот Ким просто нахально балдел, гоня меня по кругу с ученическим мечом в руках. Правда, вскоре Элфи решил, что сам будет спарринговаться с братом, чтобы я не задерживала профессиональный рост Кима. Мне же были торжественно вручены два трезубца, похожие на гигантские вилки, со словами: «Уж это даже такая рохля, как ты, поднимет». Поспорить было не с чем. К тому же, мне нравилось мое новое оружие. Сразу стало ясно, что оно не только подходит для ближнего боя, но может быть и «метательно-кидательным» снарядом. К тому же упражняться с трезубцами было легко и удобно, работали сразу обе руки и все тело.

Орэн ежедневно поил меня поддерживающим иммунную систему организма коктейлем из редких трав, так что чувствовала я себя отменно. Скучать по дому было некогда, так как не было ни одной свободной минуты. Старик обучал магии и другим разным наукам, а Элфи занимал все остальное наше время. Постепенно чувство усталости сменилось наслаждением, приятной истомой, посецавшей нас с братом в конце дня, и нагрузки стали приносить какое-то нездоровое удовольствие. Точнее, это поначалу оно казалось мне нездоровым, а потом стало тем, без чего я просто не могла уснуть по ночам. Через полгода у Кима произошел прорыв силы, она впервые ему подчинилась. Брат сумел зажечь свечу, вытолкнув наружу энергию из тела. Я искренне радовалась, видя восторженный блеск в его глазах

«Наконец-то сбываются твои мечты, Ким», — подумала я и

порывисто обняла его. Орэн одобрительно похлопал его по плечу, а затем сказал, что и мне пора бы снизить и показать, на что я способна. Да я и сама была не против, но дело что-то не шло.

Когда я всерьез забеспокоилась, а не ошибся ли маг с тем, что дар есть у обоих детей, это произошло. Ким уже учился управлять огнем, а я все никак не могла вытолкнуть силу и как сумасшедшая пялилась на свечку. Меня взяло такое зло! Все в душе всколыхнулось, и каждая клеточка словно ожила и начала легко вибрировать. Я в очередной раз кинула взгляд на ненавистную свечку и коротко приказала: «Гори!» Пламя от фитиля взметнулось вверх, едва не опалив мне волосы, и задрожало в воздухе, не опустившись ни на миллиметр.

— Ты сделала это! — радостно закричал брат и кинулся ко мне.

Я едва не рыдала, осознавая, что смогла, все-таки смогла! И казалось, что нет большего счастья, чем ощущать пробудившуюся силу внутри, когда каждая частичка тебя будто поет и дрожит от восторга. Орэн стоял в углу комнаты, наблюдая за нами и медленно поглаживая бороду.

— Запомните это, — сказал он. — Не то, как очнулась от оцепенения сила, а то, как искренне вы радовались друг за друга. Редко судьба дарует нам людей, что могут по-настоящему порадоваться за тебя.

Больше маг ничего не сказал, а я грелась в нежных объятьях брата, который не скрывал счастливой улыбки.

Сезоны сменяли друг друга. Осень давно закончилась, подошла к концу и зима, а затем и первый месяц весны. И однажды, совершая очередную прогулку на Донне (так звали мою белую, точно первый снег, лошадку), я поняла, что через неделю у нас с Кимом день рождения. Мама, папа и братья в этот день готовили подарки и припасали теплые слова. А как все будет здесь, я не знала.

— О чем задумалась, Эм? — вывел из раздумий голос Элфи.

— О дне рождения, — машинально ответила я. И только потом поняла, что не следовало так отвечать на вопрос. Не подумает ли теперь гном, будто я таким образом намекаю, что неплохо было бы устроить нам праздник.

— А что, скоро сие событие?

Отмалчиваться было глупо, поэтому я просто ответила:

— Седьмого числа.

— Ясно.

Больше Элфи ничего не сказал.

В этот день я уже по привычке проснулась с первыми лучами солнца. «Вот бы сегодня были не только изнуряющие трениров-

ки. Так хочется праздника!» — подумала я. Быстро соскочив с кровати, я распахнула огромный шкаф и начала перебирать свои платья. За все время, проведенное в доме Орэна, мне едва ли удалось примерить и поносить хотя бы половину из этого многообразия красок и форм.

Я даже удивилась самой себе, поняв, с каким трепетом рассматриваю свою одежду. Мне впервые захотелось выглядеть красиво. До этого момента я и не понимала, какое влияние оказывает на меня общение с Элфи. Понимание того, что правильно подобранный гардероб может подчеркивать достоинства внешности и скрывать недостатки, как-то совершенно естественно вошло в мое сознание.

Остановившись на приталенном платье нежно-лавандового цвета и туфельках в тон, заколов волосы спереди и оставив их распущенными сзади, кинув на свое отражение придирчивый взгляд, я поспешила к Киму. Но едва я потянула входную дверь моей комнаты на себя, как едва не схлопотала занесенным над дверью кулаком прямо в лоб.

— С днем рождения! — заорал Ким мне в лицо.

— И тебя с днем рождения, — улыбнулась я и кинулась на шею брату.

Так, держась за руки, мы побежали на наш праздничный завтрак. Войдя в столовую, я заметила, что все уже в сборе и ждут только нас. Орэн приглашающим жестом указал на наши места и, дождавшись, пока мы сядем, поднялся, держа в руке бокал апельсинового сока.

— Мара, Ким, — улыбнувшись каждому из нас, начал маг. — Сегодня — ваш день рождения, и, конечно, я искренне вас поздравляю. У меня даже есть для вас небольшой подарок, но о нем поговорим после завтрака. А пока давайте поедим и отметим ваш праздник, — немного сумбурно пролепетал старый маг и широко улыбнулся.

Следом за Орэном поднялся Элфи и протянул нам с Кимом по маленькой коробочке.

— Это не просто подарки, а еще и очень полезный для вас в будущем атрибут, — хитро прищутив глаза, сказал гном.

— Открывайте же. — Маг ободряюще улыбнулся.

Я поднесла коробочку ближе к лицу и, нажав на специальную кнопку, открыла ее. Внутри, на черной бархатной подушечке, лежал медальон на цепочке из белого металла. Даже не особенно разбираясь в ювелирных украшениях, я все равно могла с уверенностью сказать, что он прекрасен. На лицевой стороне красовался ярко-синий прозрачный камень в виде слезы, заключенный в объятия металла. Дрожащими руками я прикос-

нулась к слезе, и на мгновение мне показалось, что сияние камня усилилось и вновь пропало.

— Посмотри, что с другой стороны, — почти шепотом сказал Элфи.

Я взяла подвеску в руку и перевернула. Оказалось, что сзади камень был прикрыт металлической пластинкой, на которой было выгравировано: «Марами Аррели Канэри, дочь рода Канэри», под гравировкой с моим новым именем красовался фамильный герб рода, нанесенный тончайшей паутинкой на поверхность металла, — орел, раскинувший крылья. В одной лапе он держал лилию, а в другой — меч.

Я подняла полный недоумения взор на Кима. Брат держал в руках перстень из белого металла с таким же синим камнем и был так же растерян, как и я.

— Это официальный знак того, что вы теперь — члены моей семьи, — тихо заговорил Орэн. — Элфи изготовил эти символы принадлежности к роду специально для вас. Кроме того, что это означает мое признание вас как родственников, эти вещи являются еще и универсальными накопителями энергии.

— В хозяйстве пригодится, одним словом, — сказал Элфи-ральд. — Я использовал здесь сапфир, причем раньше он был цельным. С его помощью (благодаря Орэну, конечно) вы сможете чувствовать друг друга на любом расстоянии. Ну как, нравится?

Должно быть, мы улыбались, как два идиота, так как даже Элфи не выдержал и начал хихикать в кулак.

— Кстати, Ким. Можешь надеть свой перстень, — сказал маг, заметив, как я поспешно застегиваю цепочку у себя на шее.

— Но, — брат немного покраснел, — он слишком большой...

— А ты надень, попробуй... Такие вещи носят на указательном пальце, кстати.

Ким еще раз растерянно покрутил украшение в руках и послушно надел перстень. Камень, как и мой несколько минут назад, полыхнул, и колечко, словно живое, затянулось вокруг пальца брата.

— Потрясающе, — зашептал Ким.

— Магия, — отмахнулся Орэн. — А теперь давайте уже поедем.

Завтрак оказался действительно праздничным, настроение было превосходным. Да еще десерт... Пожилой слуга Дерек внес в столовую огромный шоколадный торт с двадцатью восьмью маленькими свечками. Поставив его на стол, Дерек коротко поклонился и вышел за дверь.

— Зажжете? — весело подмигнув, спросил Орэн.

Мы коротко кивнули и по очереди зажгли свечи.